

ОТРЫВКИ ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ

ВАСПІЯ ПЕТРОВИЧА БЪЛОКОШЫТЕНКА

(Продолженіе).

Напѣловавшись вдоволь съ Грицькомъ, я принялся разспрашивать, какъ и что. Онъ мнѣ, между прочимъ, разсказалъ, что его послали купить бочку водки, взять меня и сейчасъ назадъ, чтобы поспѣть домой сегодня же, хоть поздно; что ради этого онъ пріѣхалъ съ *шинкаремъ* и двумя санями — нашими *глубцями* и шинкаревыми *гренджблятами*; что шинкарь пріѣхалъ между прочимъ и для того, чтобы выбрать водку: «тільки дѣ ёмұ! говорить: — въ сёмұ ділі, здається, нічого не тямить» ⁽¹⁾! При этомъ Грицько разсказалъ, что это шинкарь не тотъ, что прежде былъ, а другой, новый. «Вінъ», говоритъ, «такий, отъ якъ би й воні, мундырь (унтеръ-офицеръ)! и показалъ головою на хозяина: — тільки зъ оставніхъ... И такой же то бідовий и кумѣдний — самъ побачишъ!...» Въ заключеніе онъ сказалъ, что сани и лошади съ шинкаремъ тамъ, на площади, гдѣ стоятъ бочки съ водкою, и что намъ надо сейчасъ туда отправляться.

Я наскоро умылся, одѣлся, простился съ Хомой и съ хозяевами, отдалъ Грицьку свой узелокъ, и мы пошли. Хозяева оставляли позавтракать; хозяйка особенно наставляла обождать, пока *буханці* спекутся, чтобы взять на дорогу, но я и слышать ничего не хотѣлъ.

Приходимъ на площадь, — лошади выпряжены, возлѣ *рѣнтуха* ⁽²⁾, а Мундырь, въ нагольномъ бараньемъ тулупѣ и *капелюхахъ* изъ со-

(1) Не смыслить.

(2) Родъ мѣшка, очень широкаго и очень не глубокаго; его натягиваютъ на оглобли и всыпаютъ въ него овесъ для корма лошадей въ дорогѣ.

бачьяго мѣха, сидитъ на *дренджолятахъ* и, отъ нечего дѣлать, по видимому, упражняется въ искусствѣ смотрѣть, выпучивъ глаза, и ничего не видѣть... Грицько пошелъ дальше, къ *глаблямъ*, къ лошадямъ, а я къ Мундыру, «здоровъ бувъ» сказать и посмотреть, что это за *бѣдѣвий* и *кумѣдний чоловікъ*. Въ самомъ дѣлѣ, должно быть *бѣдѣвий* и *кумѣдний чоловікъ*!..

• Это былъ тоже герой браней первой четверти нашего столѣтія, но это была уже одна изъ тѣхъ унтеръ-офицерскихъ личностей, которыя болѣе совершенное развитіе получили нѣсколько позднѣе, и которыя теперь, сколько мнѣ извѣстно, совсѣмъ перевелись. Какова внутренняя фizioгномія такихъ личностей—не берусь рассказывать, мудрено! Скажу только, что такъ—какъ лицо есть зеркало души, то зеркало тутъ надобно бы было завѣшивать, что ли... Фizioгноміи такихъ личностей—т. е. наружныя фizioгноміи—какъ-будто не рождались на свѣтѣ Божій, какъ рождались всѣ остальные фizioгноміи Божьяго міра, а какъ-будто тачались по заказу полковыхъ командировъ, въ полковыхъ швальняхъ, изъ полковыхъ средствъ, полковыми сапожниками... Ременная коробка, пакли въ середку (да потуже: — тогда любили мордашей), сверху—кожею изъ стараго ранца, въ лобъ—пару оловяшекъ, подъ носъ — два пучка щетины, къ вискамъ—по сапожной щоткѣ, — и фizioгномія готова... А на счетъ рта—хватилъ отъ уха до уха ножомъ—будетъ чѣмъ рявкнуть! «Уши бы», думаетъ тамъ Нефедьевъ или Аписимовъ: — по изъ-за *бракенбаровъ* не тово, *авось* сбредеть!.. «А брови, мошенникъ!» — «Виновать, ваше благородіе! на счетъ бровей не приказывали!»

Туловища же, руки и ноги для такихъ личностей какъ-будто рубили топорами, на рабочихъ дворахъ, изъ дерева крѣпкаго—раскрѣпкаго.. изъ такого дерева, которое двѣнадцать лѣтъ лежало и вялилось въ запасныхъ магазинахъ... А кожа для туловища, рукъ и ногъ какъ-будто приготавлилась изъ тѣхъ старыхъ солдатскихъ шинелей, качество которыхъ мои земляки, для своего домашняго обихода, опредѣлили слѣдующей пословицей: «ти, москалю, и добрый чоловікъ, та шенѣлія твой злѣдій ⁽¹⁾!»

И какъ вывести такое мундыра и пустять его въ свѣтъ—и Боже, какъ умѣли его ручища подбираться къ казеннымъ и нека-

(1) Воръ.

заннымъ фязіогноміямъ, къ казенной и неказенной подвижности! Какими страшными казались вѣтъ его дубовые кулаки! Какъ мундырь кричалъ и молчалъ!.. А всё какъ-будто чего-то не доставало!.. Отмѣнены поэтому, говорятъ, такіе мундыры...

Мундырь сидѣлъ, говорю, на саяхъ и упражнялся въ искусствѣ глядѣть, выпучивъ глаза, и ничего не видѣть. Я подошелъ поближе, снялъ шапку...

— Здорѡвъ бувъ! говорю.

Мундырь очулся.

— Чтѡ тѣ надо?

— Здорѡвъ бувъ, кажѹ!

— Къ чорту убирайся съ своимъ «зда-ровъ-бувъ!..» Спрашиваю, чтѡ надо?

— Та мені жъ и на́да «здорѡвъ бувъ!»

— Шутить ты, чертенокъ, чтѡ ли?—выпрямился, ошетинился, какъ разъяренный бульдогъ.

Я расхохотался...

— Ахъ ты-жъ такой и этакой!... Вотъ я тѣ! — заревѣлъ и, схвативъ лежавшій возлѣ него кнутъ, ко мнѣ...

Чѣмъ бы кончилась эта первая встрѣча съ Мундыромъ, еслибъ Грицько не послышалъ и не поспѣлъ ко мнѣ на помощь,—не знаю (занятый чѣмъ-то возлѣ лошадей и съ шапкою, крѣпко натянутою на уши, онъ сначала ничего не слыхалъ); вѣрно, моему ко́жѹшку, а можетъ быть и чему другому, крѣпко бы досталось! Къ счастью, говорю, какъ-то услышалъ... поднимаетъ голову: я лечу къ нему, сколько ногъ хватить, а за мною тотъ съ поднятымъ кнутомъ...

— Щѡ ти, щѡ ти!—крикнулъ Грицько, бросааясь между насъ: — чи не сказѣвся ти?

Мундырь оторопѣлъ, увидавъ Грицька — онъ теперь только его замѣтилъ. — А!—говорить:—ты ужъ здѣсь!.. А привель?—и проворно окинулъ взглядомъ кругомъ: — не привель развѣ?..

Очевидно, въ наклѣ Мундыра никакъ не могло помѣститься, что-бы сынъ его хозяина, и притомъ городекой школьникъ, могъ носить нагольный тулѹбчикъ и имѣть видъ обыкновеннаго сельскаго «х-хленка»...

Грицько растолковалъ ему, въ чемъ дѣло, — и какое превращеніе!—Виновать!—говорить и вытянулся передо мною въ струнку:—виновать! — даже *благодарѣмъ* меня назвалъ...

— Та перестань! — перебилъ его Грицько: — тамъ зъ батогѣмъ, а се зъ «благородіями!» Бачъ, якъ засорѣмивъ ⁽¹⁾!..

Дѣйствительно, Грицько былъ правъ... Ни въ какомъ отношеніи непринадлежавшее мнѣ «благородіе» это такъ меня смутило и сконфузило, что я не зналъ, что съ собою и дѣлать, куда дѣваться... Я подошелъ къ воронѣ и, наклонивъ голову къ персямъ, принялся гладить его однимъ пальцемъ по шеѣ... Доброе животное узнало меня и, нагнувъ морду къ моей головѣ, принялось тихо тормозить шапку зубами... Но и его ласки не могли разогнать смущенія, нагнашаго на меня неловкимъ «благородіемъ.» Я поднялъ голову, принялся его ласкать, тормозить за гриву, за ноги, и сталъ добывать изъ саней лучшаго сѣна и кормить только тогда, когда Мундырь съ Грицькомъ пошли себѣ къ бочкамъ выбирать, какая тамъ погодится...

Какъ они выбирали водку, я ужъ не видалъ: все мое вниманіе поглощено было воронимъ. Знаю только, что и Грицько, и Мундырь, *нализались* тамъ порядочно, и что и тутъ не обошлось безъ разныхъ проказъ со стороны послѣдняго. Такъ, напр., онъ хотѣлъ поколотить одного продавца бочекъ съ водкою, за что — я не понималъ тогда. Видѣлъ только, что поднялась суматоха, и что продавецъ, прижавъ правою рукою *волокѣкъ* (пузырекъ, которымъ достаютъ водку изъ бочекъ для пробы) къ груди, лѣвою, указательнымъ пальцемъ, тыкалъ все въ воздухъ, по направленію къ землѣ — вонъ-оно, дескать, вонъ, вонъ! и каждый тычокъ сопровождалъ восклицаніемъ — *вкравъ*: «вкравъ,» говорить, «вкравъ, вкравъ!» а Мундырь вырывался изъ рукъ Грицька и другихъ, и на каждое *вкравъ* отвѣчалъ: — «врешь, врешь, спряталъ!»

Наконецъ бочка *Коропскі* ⁽²⁾ куплена и скочена на *гладці*, куплены также и другія, какія нужны были покупки (въ томъ числѣ и двѣ огромныя вязки бубликовъ — *сѣицикѣвъ* для гостинца домой), лошади запряжены, и мы поѣхали, — Грицько съ бочкою позади, а я, съ Мундыромъ, впереди, закутанный въ нагольные кожухи, присланные изъ дому собственно ради этой одной надобности. Мундырь больше уже не говорилъ мнѣ «благородіе...»

⁽¹⁾ Сконфузилъ.

⁽²⁾ Коропъ — заштатный городъ Черниговской губерніи, славившійся некогда своею водкою. Водка эта въ большомъ количествѣ продавалась и въ Полтавской губерніи.

Не смотря однакожь на это, не смотря на всё его пьяныя заботы, чтобъ я не озябъ, — если бы только Грицько согласился, я бы охотиѣ предпочелъ перебраться къ нему и помѣститься съ нимъ верхомъ на бочкѣ, чѣмъ ѣхать на мягкомъ сѣнѣ, закутанымъ въ теплыя коужухи, *въ теплі та добрі*, но вмѣстѣ съ этимъ человекомъ. Начать съ того, что какъ я ни уговаривалъ его сѣсть со мною рядомъ, когда еще собирались выѣзжать изъ города, онъ никакъ не согласился! На всё мои доводы онъ только отвѣчалъ: — «какъ можно-съ!», и ремешное его лицо всякій разъ расквашивалось и морщилось отъ тяжести и сырости фронтоваго деликатеса, какъ расквашивается и морщится голенище солдатскаго сапога отъ воды, набранной въ него въ первой дорожной лужѣ... Конечно, теперь, когда горькій опытъ, скорбные примѣры, испытанные на себѣ самомъ и видѣнные на другихъ, научили меня, что ремень, пакля и дубъ, такъ и есть ремень, пакля и дубъ, а не что-либо другое... и что горе тѣмъ, которые принимаютъ ихъ за что-нибудь другое, а не за ремень, паклю и дубъ, (да часто горе изъ-за нихъ и многимъ другимъ), — встрѣтить подобный деликатесъ въ какомъ-нибудь Мундырѣ если и не было бы для меня особенною пріятностію, то не было бы и особеннымъ горемъ. «Что, молъ, дѣлать!» обыкновенная нота въ симфоніи, которую повторяетъ теперь утратившее свой слухъ и свой вкусъ человечество!...» Но въ тѣ блаженные годы моей жизни, такой деликатесъ передо мною былъ просто диссонансомъ, глубоко оскорблявшимъ мой духовный слухъ. Выросши въ понятіяхъ и правахъ среды, къ которой я принадлежалъ по происхожденію, и выросши по ея примѣрамъ, я думалъ въ своей дѣтской головѣ: «какъ же это? я — мальчишка, а онъ — старикъ... притомъ и сани, и лошадь его!.. Вѣдь увидать въ хуторѣ, пожалуй, и обо мнѣ скажутъ, какъ говорятъ о засѣдателѣ, когда тотъ ѣдетъ на обывательской подводѣ: «що вже чортъ, якъ іде на чоловікові, то тільки на ёго шії»...

Потомъ этотъ человекъ оттолкнулъ меня отъ себя еще болѣе — чѣмъ? Теперь я могу разсказать — чѣмъ; но тогда я и самъ не зналъ... Чувствовалъ только, сначала, что мнѣ, кажется, не слѣдуетъ его слушать... Теперь бы я чувство такое такъ окрестилъ: тутъ, молъ, дубомъ, паклею, казеннымъ подошвеннымъ товаромъ пахнетъ... А тогда подъ конецъ почувствовалъ, что хоть бы и съ саней мнѣ соскочить — уйти отъ этого человека!

Виною всему была страсть моя къ сказкамъ и вообще къ раз-

сказамъ, — страсть, которой я старался удовлетворять при всякомъ удобномъ случаѣ, и которая получила въ послѣднее время особенный оттѣнокъ подѣ влияніемъ разсказовъ того мундыра, моего городского хозяина, — разсказовъ, полныхъ какого-то благодушія и наивности, но вмѣстѣ и полныхъ какой-то особенной прелести, повѣявшихъ на меня воздухомъ изъ какого-то другого міра, мнѣ въ ту пору еще невѣдомаго, — изъ міра быта воинскаго и военныхъ разгромовъ начала настоящаго столѣтія. Желая и теперь на досугѣ удовлетворить себя въ сласть этимъ лакомствомъ, когда ужъ мы проѣхали версты три-четыре (мы ѣхали сначала медленно) и когда нѣсколько поразговорились съ Мундыромъ, я обратился съ просьбою къ нему разсказать что-нибудь изъ своей военной жизни. Тотъ сначала: «что, молъ, вамъ, людямъ грамотнымъ!»; а послѣ расколыхался—таки и пошелъ писать — конечно, съ точки зрѣнія скроеннаго извѣстнымъ образомъ унтеръ-офицера, и о предметахъ, только доступныхъ воззрѣнію оловяшекъ, разумнѣю пакли и вкусу челюстей отъ уха до уха... И говорить нечего, что мнѣ хотѣлось бы послушать разсказовъ о чемъ другомъ; но, за неимѣніемъ этого другого, я слушалъ и то, что мнѣ предлагали, хоть предложенное, употребляя приведенное выше выраженіе, отдавало дубомъ, паклею и казеннымъ подошвеннымъ товаромъ. Но когда мой Мундырь расколыхался уже советѣмъ, и когда водка, выштая имъ въ городѣ и въ шинкахъ (шинчочковъ, которые намъ встрѣчались, онъ не пропускалъ ни одного), пробрала его поглубже, — сюжетомъ для своихъ разсказовъ онъ началъ выбирать предметы, которые въ нѣкоторыхъ офицерскихъ кружкахъ называются предметами, принадлежащими къ области унтеръ-офицерскаго амура.... Можете вообразить, что должно было испытывать дитя нашей тогдашней стыдливой и цѣломудренной Украины, слушая подобные разсказы!... Повторяю, хоть бы и съ саней соскочить и уйти отъ этого человѣка, я былъ не прочь!.. Но куда уйти?.. Лучшее, что я придумалъ для своего спасенія, — погрузиться въ кожухи и притвориться спящимъ...

Но что рѣшительно меня вооружило противъ него и даже поселило ненависть — такъ это слѣдующіе поступки.

Когда Мундырь замѣтилъ, что я будто заснулъ, — притихъ и принялся звать меня по имени, очевидно съ намѣреніемъ удостовѣриться, крѣпко ли я сплю, — сначала звать тихо, а потомъ громче и громче: «Василька! Василька! а Василька!» И такъ какъ я не отвѣтилъ на

его зовъ, — счелъ меня дѣйствительно спящимъ. «Эка, говорить, и заснулъ!...» и при этомъ употребилъ побранку, которая на Руси употребляется въ разговорѣ такъ же часто, какъ, напр., часто употребляется воздухъ для дыханія.... по которой въ печати еще никто, никогда и нигдѣ не употреблялъ.... Стыдно и обидно было мнѣ услышать такую побранку, но что дѣлать, надо было молчать... притворился спящимъ, притворяйся и неслышающимъ!... не у всякаго хватитъ совѣсти признаться, что, дескать, сонъ мой былъ ложь, притворство....

Убѣдившись, что я ~~не~~ сплю, Мундырь остановилъ лошадь, слѣзъ съ саней и началъ поджидать ѣхавшаго ровною ѣздою и на этотъ разъ отставшаго Грицька.

— А чо́го ти стои́шь?—спросилъ послѣдній, приблизившись и тоже останавливаясь.

— Тише, тише! Вѣдь чертенокъ—то спить!

Новая побранка!... И сколько бы, можетъ быть, и еще новыхъ услышалъ я потомъ, въ своей жизни, если бы имѣлъ хоть сколько-нибудь попопзновенія врываться воровскимъ образомъ въ дѣла, не для моего вѣдѣнія творимыя, и въ рѣчи, не для моего слуха произносимыя!

За новою побранкою послѣдоваль у Мундыра съ Грицькомъ разговоръ, содержаніе котораго было такое: со стороны Мундыра—что, дескать, «подъ тобою бочка, въ ногахъ у тебя топоръ, а у меня въ карманѣ *волочокъ* — я таки подтибрилъ у того бездѣльника!... топоромъ откупоримъ бочку, а волочкомъ достанемъ, и все будетъ ладно!» а со стороны Грицька— «Оцѣ, на тебѣ все зле лихѣ!... Хіба ще ти не насмокта́вся!»

Чѣмъ бы этотъ разговоръ кончился, если бы я далъ время ему развиться, — не знаю; но я не могъ долѣе выдерживать и началъ ворочаться на саняхъ... Замѣтивъ мое движеніе, Мундырь тихонько на сани... и мы тронулись далѣе.

Тяжелое, очень тяжелое впечатлѣніе произвели на меня всѣ эти продѣлки Мундыра! Мнѣ въ первый разъ пришлось увидѣть вещи въ такой возмутительной наготѣ... Я еще болѣе закутался въ кожухи и еще болѣе старался казаться спящимъ, чтобы не видѣть этого чело́вѣка и ужъ не говорить съ нимъ.

Но еще болѣе тяжелое впечатлѣніе произвелъ на меня другой его поступокъ, бывшій тоже по поводу водки въ бочкѣ, но уже направ-

ленный прямо на меня. Сценою дѣйствія на этотъ разъ была теплая хата одного добраго человѣка, къ которому мы заѣхали обогрѣться и, вмѣсто обѣда, поѣсть чтó тамъ наготовлено моею доброю матерью для путниковъ.

Обогрѣлись немного, и Грицько сталъ доставать, изъ мѣшка и ящика, съѣстное.

— Чтó жъ,—говорить Мундырь, которому хмѣль и бесѣда въ санияхъ, очевидно, придавали теперь развязности больше, чѣмъ при выѣздѣ изъ города, и онъ не церемонился уже выступить и развернуться во всей своей красѣ: — что жъ, къ обѣду надо таво!... и щолкнулъ себя извѣстнымъ способомъ по галетуку....

Я не зналъ, куда и глядѣть; Грицьку тоже, повидимому, хотѣлось спрятаться въ мѣшокъ, а хозяинъ только улыбнулся тихо: — «всякові, мовъ, на свѣті люде бувають!»

— Что-жъ вы молчите, словно глухіе! таво бы, говорю!... Ну, ты (ужъ и ты!), Василька! отпусти—ка намъ къ обѣду таво!..

— Дежъ я тобі візьму?... Въ мене грóшей нема! — пролететаль я, совершенно уже растерявшійся, не смѣя ни на кого взглянуть.

— И не надо *грошей!*... ты только молчи, а мы ужъ найдемъ!... Бочку, знаешь, таво, съ Григоріємъ?...

У меня покатались слезы по лицу.

— Чи ти довго ще будешъ, проклáтый!... закричалъ наконецъ Грицько, въ бѣшенствѣ векакивая съ мѣста: — оцѣ! се паваждѣние, а не чоловікъ!... и ударилъ себя о полы руками.

— Чуєшъ, москалю! — отозвался наконецъ и хозяинъ хаты спокойнымъ, но твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ: — въ мої хаті ніхтó ще такихъ річей не чувъ, якъ оцѣ ти балакаєшъ—щобъ підмовлять незмислєнихъ дітєй накрадіжку ⁽¹⁾!... Ти вибачай ⁽²⁾, будь ласкавъ, що я тобі, старóму, таке, та ще въ свої хаті... Ми хотъ и бідні люде, и панські, тільки, кажú, въ насъ ніколи ще сєго не було, та ще сýпротивъ власнихъ родитєлївъ... Такъ коли хочешъ бúти тутъ, въ мої хаті, не балакай такого! а хочешъ балакати—зъ Бóгомъ зъ моєї хаті! отó тобі богъ, а отó — порóгъ!...

И онъ указаль ему рукою сначала на *пóкуття* съ образами, а потомъ на дверь...

(1) На воровство.

(2) Извини.

Мундырь, впрочемъ, не нуждался уже въ такой апострофѣ. Какъ ни глушъ онъ былъ, но изъ моихъ слезъ и бѣшенства Грицька онъ понялъ, что почва, на которой ему, вслѣдствіе какого-то безсмысленнаго распоряженія безсмысленной судьбы, суждено теперь дѣлать разные житейскіе марши, не изъ тѣхъ, по которымъ онъ до сихъ поръ хаживалъ своими ножищами, и гдѣ все такъ ужъ и прилажено болѣе или менѣе, чтобы руки, подобныя его рукамъ, могли находить свое должное примѣненіе. Онъ замолчалъ, и во все время нашего обѣда, и пока мы снова не поѣхали далѣе, не проговорилъ ни слова. Только когда выѣхали за село, онъ открылъ свой огромный ротъ, и первыя его слова были—просьба, ничего неговорить отцу о случившемся:— «Я,» говоритъ, «предъ вами буду, Василька, — епераль бы остался доволенъ!..» Чтобы отвязаться отъ него, я обѣщалъ молчать — и онъ послѣ этого обратилъ все свое вниманіе, что бы дѣлать такое, чѣмъ, по его выраженію, и генераль бы остался доволенъ, т. е., немилосердо меня терзать цѣлый день...

Первое, чѣмъ бы, по его мнѣнію, остался генераль доволенъ, было—скорая ѣзда...

И я любилъ скорую ѣзду, очень любилъ! Любилъ пуститься въ обгонъ за степнымъ вѣтромъ на выстоявшихся скакунахъ, на разстояніи какихъ—нибудь трехъ-четырехъ верстъ! Но въ болѣе далекой ѣздѣ, или на усталыхъ лошадяхъ — развѣ бы непременно нужно, иначе нельзя... (и по твоей ласкѣ, по особенному уходу, бѣдныя животныя чувствуютъ, что иначе нельзя... и какъ-то веселѣе они несутъ свою горькую долю, не такъ болитъ у тебя сердце, глядя, какія впадины у нихъ подъ глазами отъ истомы, какъ поджимаютъ ноги отъ усталости!...) Безъ нужды же гнать въ далекой ѣздѣ измученныхъ животныхъ,—нѣтъ, не по моему вкусу такое удовольствіе!..

Мундырь о моемъ вкусѣ не справлялся, и безъ всякаго милосердія стегалъ кнутомъ Сѣраго... А когда ужъ не въ-мочь мнѣ это стало, и я рѣшился сказать, что не за-чѣмъ гнать лошадь, когда она спотыкается даже,—истолковалъ мое неудовольствіе по своему... «Проклятая!» ревъль:—«уши повѣсила!... голову держать смѣло, смотрѣть веселѣй!...», и неистово передергивалъ возжами!...

И разинувъ ротъ... съ окровавленными зубами, съ струйками поту на поздыхъ, бѣдное животное сѣменило ногами, держало голову смѣло и смотрѣло веселѣе... какъ сѣменить бывало, во времена давно минувшія, и держать голову смѣло и смотреть веселѣе какого—нибудь полка

запѣвало... Офицерикъ словно пляску выплясываетъ впереди, словно камешки — мечетъ рѣчи назадъ, чрезъ эпюлетъ: «веселѣй, ребята, веселѣй! такъ и такъ вамъ и всѣмъ вашимъ родственникамъ!..», справа и Груня, и Дуня, и Саша, и Наташа... у окошечка стоятъ, на офицерику глядятъ, улыбочками бравого-молодца манять... а запѣвало — на глаза каска, лицо горитъ-почернѣло, губы запеклись, а онъ — веселѣе и веселѣе! а за нимъ веселѣе и веселѣе и весь хоръ пѣсельниковъ:

Что веселая-то наша жисть солдатская!...

или:

Какъ во тысяча сѣмсотъ такомъ-то году!..

Второе, чѣмъ по мнѣнію Мундыра, остался бы и генералъ доволенъ, было... Впрочемъ, вы сами сейчасъ увидите, что это такое было; а пока — расскажу, какого маршрута держался нашъ Мундыръ во время нашего путешествія и куда онъ завезъ меня.

Надо вамъ сказать, что изъ города въ нашъ хуторъ есть два пути, лѣтній и зимній. Каковъ лѣтній путь, нѣтъ необходимости теперь вамъ говорить; зимній же путь — пролегаетъ сначала по толокамъ и полямъ, а потомъ, вплоть до самаго хутора, по рѣкѣ, т. е. подъ горою вдоль рѣки, по окаймляющимъ ее лозамъ и очеретамъ. Путь этотъ довольно прямой, или, лучше сказать, совершающему путешествіе по немъ, если только онъ человѣкъ расторопный и внимательный, довольно трудно сбиться, потому что, какъ я сказалъ сейчасъ, путь идетъ вдоль рѣки подъ горою, и, слѣдовательно, стоить не только отдаляться особенно отъ горы — и всегда можно попасть, куда слѣдуетъ. Но на пути этомъ встрѣчается много перекрестковъ и поворотовъ къ рѣкѣ. Все это большею частію дорожки, ведущія къ скирдамъ и стогамъ сѣна, разбросаннымъ по обѣимъ ея сторонамъ и на островахъ, къ купамъ накошеннаго очерету и нарубленной лозы, къ лѣсамъ, поросшимъ кое-гдѣ вдоль рѣки, къ рыболовнымъ тонямъ и т. п.; остальные же дорожки идутъ къ разнымъ зарѣчнымъ селамъ, болѣе или менѣе отъ рѣки отдаленнымъ. Слѣдовательно, при всей трудности сбиться съ этого пути путешественнику расторопному и внимательному, онъ, путь этотъ, именно изъ такихъ путей, на которомъ путешественнику нерасторопному или невнимательному легче всего попасть не туда, куда бы слѣдовало. Онъ можетъ тутъ побывать и на рыбныхъ тоняхъ и посмотреть, какъ рыбаки тащатъ неводъ изъ-подъ льда; можетъ попасть и въ какой далекій лугъ и покончить эту прогулку

тѣмъ, что наконецъ ни дороги, ни слѣду нѣтъ, и только впереди, передъ лошадьми, мѣсто виднѣется, на которомъ стоялъ стогъ сѣна... а пожалуй, онъ можетъ забраться такимъ способомъ и Богъ вѣсть куда!

Мундырь, какъ вы и сами, можетъ быть, догадываетесь, не обладалъ расторопностью и внимательностью, необходимыми для случаевъ, подобныхъ нашей поѣздкѣ. Въ другомъ чемъ, можетъ быть, и такъ; но тутъ—не ладно, да и полно! Ему никакъ не пришло въ голову приобщить къ своему свѣдѣнію разъ навсегда, какъ и совѣтовалъ ему Грицько сдѣлать это нѣсколько разъ, что такъ какъ хуторъ нашъ на той же горѣ, вдоль которой мы ѣдемъ, то отдаляться отъ нея никакъ не слѣдуетъ. Да и какъ, впрочемъ, это могло прийти ему въ голову! Вѣдь это значило бы послушаться умнаго совѣта и потомъ разсуждать, — а какъ, ему признать чей-нибудь совѣтъ умнѣ своего собственнаго—и, конечно, еще командирскаго! Да еще и разсуждать!.. Онъ, которому столько разъ доставалось, чтобы не разсуждалъ, который самъ вооружался противъ разсужденій, онъ — разсуждать!.. Тьфу! маршъ впередъ, да и баста! эта дорога протореная—катай—валяй! Вѣдь куда—то да доведетъ!..

И каталь—валяль мой Мундырь!...

Пока дорога шла по полямъ и толокамъ, — полбѣды еще было; полбѣды было первое время, когда мы спустились и къ рѣкѣ: Мундырь хоть и рвался впередъ и часто оставлялъ Грицька, но все-таки болѣе или менѣе держался у него на виду, и тотъ или останавливалъ его крикомъ, если былъ недалеко, или поджидалъ гдѣ, пока мы понавѣдаемся тамъ къ тонамъ, съѣздимъ въ лѣсъ; словомъ, до обѣда дѣло шло болѣе или менѣе сносно. Но послѣ сцены за обѣдомъ, Мундырь поѣхалъ по такому маршруту, какого, вѣроятно, не держался еще никто и никогда...

Грицька потеряли совершенно изъ виду и рѣшительно не знаемъ, гдѣ онъ и какъ... гонимъ только Страго — куда? Богъ знаетъ! должно быть впередъ!... Вѣдь держимся же *линіи*!.. Выскочимъ за рѣку, въ поля: «Э, нѣтъ», говорить: «*линію* потеряли!», и назадъ... Можетъ быть, это не наша ужъ рѣка, притокъ, не наша линія — чтó намъ за дѣло!.. намъ лишь бы линія!...

А когда стемнѣло,—потеряли и линію.... гонимъ Страго гдѣ-то ужъ стению... Сель и хуторовъ нѣтъ, лѣсковъ и байраковъ тоже... Какъ-будто все это издали слышало мундырскій духъ и посторонилось съ пути, какъ сторонятся гуси, утки и разная домашняя птица, когда

быкомъ овладѣть бычачья прыть, и, поднявши штандартомъ хвостъ, мчится на нихъ, словно бѣшеный, и—то лягнетъ, то рывнетъ, то воздухъ рогами боднетъ...

И пригнали мы такимъ образомъ наконецъ Сѣраго—хуторъ, село ли, Богъ его вѣдаетъ! живутъ видно люди... Можетъ быть это и нашъ хуторъ...

Мундырь остановилъ Сѣраго у первой хаты, въ которой свѣтился огонекъ въ окошечкѣ, соскочилъ проворно съ саней и стучать!.,

— Кто тамъ?—отозвался, должно быть, хозяинъ хаты, открывая *кватирочку* (форточку).

— Х-т-о-т-амъ!—передразнилъ Мундырь, вѣроятно въ видахъ внушенія страха, деморализованія, такъ сказать, непріятеля:—Глаза есть—смотри, кто!... Какъ деревня зовется?

— Та се не деревня, а хуторъ... Провѣлямъ звѣтца!

— Что за Провѣль?... А повѣта какого?

— Нашого таки, Ського...

Господи, какъ разевирѣпѣлъ Мундырь, узнавши, что мы въ чужомъ уѣздѣ! Досталось тутъ и *проклятой сторонѣ и проклятымъ дорогамъ!* а ужъ *Сьрому проклятому* досталось—и говорить нечего! Кончилось тѣмъ, что велѣлъ разговаривавшему чрезъ окошечко земляку проводить насъ до *отамана*.

— На що-жъ тобі, — говорю, — отаманъ!..

— Да ужъ надо!

— Та на що на́да?

— Да ужъ молчите! Сказалъ, генераль—такъ генераль!

Я замолчалъ... Я догадался, что Мундырь снова какъ-то собирается угодить мнѣ, по своему; но что дѣлать!.. Вбить что-нибудь ему въ голову было выше моихъ силъ, а къ угрозѣ обратиться—что расскажу отцу,—не въ моемъ характерѣ было. Я могъ въ подобномъ случаѣ или молчать и, затаивъ свои чувства, какъ говорится, кипѣть... или же вспыхнуть на мгновеніе и выбросить наружу вспышку чѣмъ-нибудь въ родѣ, «плюю на твою дурнѣ голову», чего, конечно, въ настоящемъ случаѣ, я никоимъ образомъ не могъ допустить, потому что въ рыжей щетинѣ Мундыря уже водилась сѣдина, а старшіе возрастомъ у насъ пользуются такимъ уваженіемъ, что даже рѣдкое панское дитя позволить себѣ неуважительно обойтись съ старшимъ по возрасту, и не только съ постороннимъ, но даже и съ крѣпостнымъ своего отца.

Наконецъ отаманъ былъ отысканъ, и Мундырь велѣлъ ему одѣться и сейчасъ выйти на дворъ. «Да жива!» кричалъ онъ.

...Мундырь досталъ изъ кармана плоскій деревянный ящичекъ, въ родѣ тоненькаго томика въ малую осьмушку, открылъ боковую его сторонку и вытащилъ изъ него какую-то бумагу, *отставку*, какъ я узналъ послѣ; сунулъ отставку въ руки отаману и велѣлъ «сейчасъ, жива», давать квартиру—да хорошую квартиру! Отаманъ возразилъ, что надо сначала прочитатъ бумагу, а потомъ давать квартиру; но Мундырь такъ раскричался, такого далъ ему подзатыльника, что отаману не оставалось ничего другаго, какъ поскорѣ вести насъ къ какому-нибудь богатому козаку... Конечно, ему оставалось и кое-что другое еще, но... но... но что объ этомъ толковать?!...

Повелъ насъ отаманъ, и, уходя, бросилъ лаконическое приказаніе прежнему нашему провожатому:—А ти, — говорить, — до писаря... Якъ що не *тее*, — до Деркача!...

Привелъ насъ до Деркача отаманъ... Мундырь принялся тотчасъ распоряжаться—и то прочь, и то подавай!... Тѣмъ временемъ въ хату ввалилась опившаяся, взъерошенная, крѣпко подержанная фигура писаря... Фигура была и очень *тее*, а всё-таки, по приказанію отамана, принялась за отставку и начала *слебезовать* ⁽¹⁾. Какъ ужъ она слебезовала, и какъ отаманъ и всѣ присутствовавшіе слушали, ровно ничего не понимая—нечего и рассказывать! Довольно, что тотъ слебезовалъ, а тѣ слушали... И быть можетъ, онъ прослебезовалъ бы всю отставку хоть къ полуночи, какъ случилось одно совершенно непредвидѣнное обстоятельство — подвернулось названіе полка, въ которомъ служилъ когда-то Мундырь, премудренное, непреборимое названіе!..

Видали вы, какъ пьяный, слоняясь по улицѣ, наткнется на бревно?

«Вишь,» говорить, «и бревно!»... плечами вздвигиваетъ, грустно покачиваетъ головою... «Да,» говорить, «бревно!» Вдругъ овладѣваетъ имъ рѣшимость: «Что,» говорить, «бревно! экая невидаль!» распахнулъ полы поднимаетъ ногу—будто тяжесть какая на ней! еще усиліе и... Но нога покачнулася,хватила въ сторону, и бѣднякъ шлепнулся! а круглая его шляпа съ павлиньимъ перомъ и низкой тульей далеко-далеко покатилася по мостовой!... Поднимается, достаетъ шляпу, снова — и снова шлепнулся!... Въ третій разъ, въ четвертый—какъ-будто на бревнѣ невидимая сила безплотная, издѣвается надъ добрымъ человѣкомъ, чтобы

(1) Дурно читать, читать какъ бы по складамъ.

не перешагнулъ, а валился бы и валился, на посмѣяніе образа и подобія Божія, на соблазнъ всѣмъ другимъ добрымъ людямъ!...

Что-то подобное творилось и съ бѣднымъ писаремъ, когда онъ вступилъ въ борьбу съ тѣмъ непреодолимымъ полкомъ. Вотъ два слога ужъ подвернулъ подъ себя, на третій началъ карабкаться,—и вдругъ какъ оборвется, какъ хватить *штрпр!*

— Эхъ ты чучело хохлацкое!—воскликнулъ наконецъ Мундыръ, очевидно оскорбленный такимъ, по его мнѣнію, обиднымъ коверканьемъ полка:—и полка-то нашего не знаетъ, а тутъ же рыло суетъ!... Бумагу только мою опорочишь!.. Проваливай!—крикнулъ онъ въ заключеніе, и, вырвавъ у него изъ рукъ отставку, засунулъ ее снова въ свой деревянный бумажникъ и спряталъ его въ карманъ.

— Такъ какъ же?...—возразилъ-было отаманъ; но Мундыръ такъ принялся браниться и кричать, что отаманъ счелъ за лучшее «удалиться отъ зла и сотворить благо», махнулъ рукою и пошелъ изъ хаты:—«нехай, мовъ, на тебѣ все зло-лихѣ, маній ти гаспидьска (вѣроятно отъ, греческаго *μολία*)!» За отаманомъ выползъ молча изъ хаты и писарь: сконфузилъ его крѣпко-крѣпко этотъ мудреный полкъ!

Зная изъ прежнихъ моихъ разсказовъ ⁽¹⁾, въ какой степени развито было во мнѣ чутье смѣшнаго и комическаго во всемъ, что ни встрѣчалось мнѣ, и въ какой степени развита была во мнѣ смѣшливость, вы, можетъ-быть, думаете, друзья мои, что я смѣялся, глядя на всю эту сцену? Нѣтъ, не до смѣху мнѣ было тогда! Не имѣй эта сцена для меня своего предыдущаго, не понимай я значенія ея, какъ извѣстнаго явленія въ ряду другихъ явленій,—словомъ, будь я тогда только случайнымъ зрителемъ, а не участникомъ, по необходимости разумѣвшимъ мотивы, которыхъ она была послѣдствіемъ, и весь печальный ихъ смыслъ, и т. д. и т. д., я бы смѣялся тогда, глядя на нее, очень бы смѣялся, какъ смѣюсь теперь, забывъ все и все, а только глядя въ воображеніи на это всеобщее глубокое вниманіе къ тому, чего никто не понималъ—«А ну, ну! мовъ... эгѣ! бачъ!..» на это слезбозваніе писаря, на штурмъ, который онъ нѣсколько разъ предпринималъ противъ полка, на ярость Мундыра,—«какъ де не знать его полка!..», «еще опорочать отставку!...» Но зная, какъ и что, понимая, что вѣдь то, что мы дѣлаемъ, почти воровство и грабежъ,—я, какъ дитя своей

(1) Это указаніе Василія Петровича относится главнымъ образомъ къ неизданнымъ еще разсказамъ.

родины, какъ членъ сословія, которое такимъ глубокимъ уваженіемъ окружило въ своихъ вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ право *господаря въ ёго господіи* и которое право пользованія чужимъ хлѣбомъ и солью понимаетъ только въ формѣ гостепріимства,.. и наконецъ, я, какъ членъ семьи, которой самой, хоть можетъ быть и въ другомъ видѣ, приходилось не разъ испытывать на себѣ то, что мы съ Мундыромъ дѣлали теперь другимъ,—могъ ли я смѣяться, глядя на ту сцену! Даже теперь у меня исчезаетъ охота смѣяться, когда я, оставляя простое созерцаніе въ воображеніи, начинаю думать обовсемъ... Мнѣ даже совѣстно становится за свой смѣхъ!.. Но тогда—для меня было что-то глубоко возмутительное въ нахальствѣ, съ которымъ Мундырь добывалъ ночлегъ и которымъ поставилъ меня въ такое несносное, непривычное для меня положеніе! «Что», думаю, «если объ этомъ да узнають въ хуторѣ!..»,—и не знаю, на что бы я не рѣшился тогда, лишь бы всего этого не было... чтобы, такъ сказать, вычеркнуть этотъ вечеръ изъ моей жизни, быть гдѣ-угодно, хоть даже въ училищѣ, только бы не здѣсь, не въ этой хатѣ, предъ этими людьми, какими-то унылыми, будто истомленными какимъ-то горемъ!... Но возстать противъ Мундыря, открыть его тутъ же, всенародно,—нѣтъ! Чтобы люди такой духовной комплекціи, какъ мы, могли возставать противъ такого нахальства, какъ мундырово, надо, чтобы они прошли сначала сквозь многія-многія испытанія, потеряли въ нихъ, испытаніяхъ этихъ, много-много дѣтской наивности и непорочности души, а вмѣсто ихъ запаслись бы многимъ-многомъ... А до того,—они умѣютъ только страдать, страдать и страдать!...

Но главное мое горе было еще впереди... Когда отаманъ ушелъ, и Мундырь почувствовалъ себя вполнѣ на свободѣ, — удалъ и прыть его развернулись совершенно...

— Ужинъ готовить—крикнулъ онъ хозяину:—да жива!...

— Коли-жъ ⁽¹⁾ уже?—осмѣлился было возразить тотъ:—пізно!..

— Піз-но!... и такъ толкнулъ его въ спину, что тотъ едва не свалился:—говорять «готовить!» такъ не разсуждать!...

— Та у насъ же,—отозвался я,—и своё есть...

— Вы ужъ молчите,—говорить,—Василька, молчите!—и, какъ бы вдохновленный новою идеею, выпрямился и указывая на меня пальцемъ—видишь,—говорить хозяину,—сперальское дитя везу!...

(1) Когда же.

Я снова не выдержалъ, какъ и передъ обѣдомъ, и снова заплакалъ...

Всѣ смутились. Мундырь, конечно, подумалъ, что, выходитъ, онъ что-то лишнее брякнулъ... а хозяевамъ, вѣроятно, мелькнуло въ головѣ: «генеральское, молъ, дитя!.. боится, голодно будетъ!..» По крайней мѣрѣ что-то подобное, вѣроятно, мелькнуло въ головѣ старухи, матери хозяина, сидѣвшей на печкѣ и до сихъ поръ непринимавшей никакого участія во всемъ происходившемъ; потому что, замѣтно встревоженная, обратилась съ такими словами къ своей невѣсткѣ: «Ти бѣ, дѣточко, варѣничківъ пшенішнихъ їмъ, и ще бѣ чого!.. А поки щѣ, — орішківъ, медяниківъ, ⁽¹⁾ що зъ города Иванъ привізъ!»..

— Спасібі, — прервалъ я сквозъ слезы: — я вечерять не хѣчу... и не зная, что больше сказать: — пустіть менѣ, — говорю, — туді, до себѣ на пічъ... — — — —

. . . Пока выѣхали мы изъ Провалля, солнце и совѣтъ взошло... Ъхать, однако, было все-таки очень холодно: рѣзкій вѣтеръ дулъ прямо въ лицо, а морозъ принималъ все крѣпче и крѣпче. Я старался, по этому, закутаться въ тулупы получше, зарыться въ сани глубже. Но послѣднее оказалось дѣломъ очень труднымъ: сани полны были сѣна, и я или долженъ былъ торчать сверху, или, если ужъ мнѣ захотѣлось бы непременно опуститься пониже, долженъ былъ сбросить часть сѣна.

— Нащо, — говорю Мундыру, — ти накупівъ стільки сѣна? Татусь бѣде сѣрдитця!

— Да я, Василька, не покупалъ!

— Якъ не куповавъ?

— Да такъ! у бездѣльника много.... въ сѣтомъ *Провалъ*.... деньги цѣлы, всѣ едадимъ старику! Только ужъ божескую милость, Василька, на счетъ, то есть, бочки.... и тово... то есть, вечеромъ....

. . . Уже солнце собиралось опуститься за горизонтъ, когда мы приблизились къ горѣ.... Я не могъ долѣе удержаться и, соскочивши съ саней, кратчайшимъ путемъ — на гору!..

Вонъ телята настрѣчу — къ рѣкѣ, бѣгутъ... мурое, рябое, *кривеньке*!... «Здравствуй, здравствуй, мое бѣденькое!... Ахъ, здоровъ бувъ, Оксентію!..»..

И овечки... «бірю, бірю!».. И Антонъ, и рябко́, и *білка*...

(1) Пряниковъ.

«Здравствуйте, здравствуйте, вамъ, всѣ дорогіе мои!.. а ма́ма здоро́венька?»...

И не дожидаясь отвѣта, стрѣлой на гору...

Въ *прихо́жї* народу много, много,—гости!... Вонъ, въ спальнѣ, сестра старшая... братья старшіе,—въ *пекáрню*...

— Мату́сю!

— Ахъ!...

Все и всѣхъ забыла!.. обнимаетъ, цѣлуетъ, плачетъ:—Дити́ноч-ко моя!... синочку мій!...

— Старá!.. старá!—старикъ оттуда, изъ свѣтлицы.

— Заразъ, заразъ!... Голу́бошку мій, чи живъ ти, чи здоро́въ?

— Панотець васъ кличуть!

— Заразъ!... А матері не забудь?

И не скоро она, можетъ быть, оторвалась бы отъ меня, несмотря и на зовъ отца, несмотря на то, что по его голосу она, можетъ быть, и изъ могилы бы встала, еслибы только надъ ея могилою могъ когда-нибудь раздаться этотъ голосъ.... Но дверь кухни скрипнула, и изъ-за нея выглянулъ самъ мой сѣдоволосый...

— Эгè,—говорить:—не въ-чѣмъ не ревѣ, ажъ до́ма нема́!.. Ди-вѣтця!—и отворилъ двери настежь.—Мо́же ви,—говорить,—не ба́чили, якъ коро́ва те́лі облизу́е, то подивѣтця!....

Во все время моего пребыванія дома, я почти не входилъ въ остальныя комнаты, а всё сидѣлъ въ кухнѣ и всё плакалъ—и вечеромъ въ субботу, и весь день въ воскресенье, и въ понедѣльникъ! Сколько ни утѣшали меня, сколько ни доставляли мнѣ разныхъ развлеченій,—я плакалъ и плакалъ, сидя въ кухнѣ за столомъ и опершись на него локтями!.. Какая была причина этихъ слезъ—для меня и теперь загадка! Была ли это тоска о томъ, что сестра выходитъ замужъ и что, слѣдовательно, мы теряемъ одного члена семьи,—или шумное и многолюдное веселіе и тогда уже производило на мою душу тяжелое впечатлѣніе,—рѣшительно не знаю!...

Во время пребыванія моего дома, я очень мало видѣлся съ матерью: гостей толпа, пированье день и ночь, некогда! Прибѣжить бывало ко мнѣ, начнетъ меня утѣшать, обливаясь и сама слезами,—зовуть!... обниметъ, поцѣлуетъ, дастъ какое лакомство,—и снова убѣжитъ:—«Не плачь же,» говоритъ, «моя дити́ночко, не круши́ мене!..» Черезъ нѣсколько времени опять то же...

Только во время сна она была со мной неразлучно, если только

сномъ можно назвать какое-нибудь двухъ-трехчасовое затишье въ ночномъ ширваньи.... Когда бывало въ домѣ шумъ нѣсколько стихнетъ, попроситъ кого изъ знакомыхъ или родныхъ за всеѣмъ присмотрѣть, возьметъ соннаго гдѣ тамъ я заснулъ, отыщетъ мѣсто и приютится: «Хоть полѣжу колѣ ѿго... хоть рука моя буде на ѿмѣ!..»

Это ли, что во время гостеванья я не могъ часто видѣться съ матерью, или что вообще мнѣ было тяжело быть на этой свадьбѣ... а можетъ быть, что чрезъ недѣлю я снова долженъ былъ пріѣхать домой, на масляную,—выѣзжать изъ дому я собрался безъ особеннаго горя, и, сколько помню, не плакалъ во время сборовъ нисколько.....

М. Помисъ.

ЗАМѢТКА

о словутномъ пѣвцѣ Митѹсѣ.

Не знаю, кому первому изъ русскихъ ученыхъ принадлежитъ мнѣніе, давно принятое многими, что *словутный пѣвецъ Митѹса*, упоминаемый Волынской Лѣтописью подъ 1241 годомъ, былъ пѣснотворецъ, подобный Бояну и Пѣвцу Игоря Святославича. Но изъ сказанія Волынской Лѣтописи напрасно, мнѣ кажется, выведено такое заключеніе; скорѣе слѣдовало принять, что помянутый *Митѹса* (т. е. Димитрій) былъ знаменитый въ свое время церковный пѣвецъ, принадлежавшій къ пѣвчимъ владыки Перемышльскаго, но не хотѣвшій прежде поступить въ пѣвчіе князя Данилы Романовича. Вотъ самое сказаніе лѣтописи: «Даниль же дворецкого посла на Перемышль, на Костянтина Рязаньскаго, посланаго отъ Ростислава, и владыцъ Перемышльскому, коромолующу ему съ нимъ; и слышавъ Костянтинъ Андрея, грядуща на нь, избѣже ночью. Андрей же не удоси его; но удоси владыку, и слуги его разграби гордые, и тулы ихъ бобровые раздра, и прилбицѣ ихъ волчье и борсуковые раздраны быша; словутного пѣвца Митѹсу, древле за гордость не восхотѣвша служити князю Данилу, раздраного акы *связыля* (*) приведоша, сирѣчь, якоже рече Приточникъ: буеть дому твоего съкрушиться, бобръ и волкъ и извецъ снѣдаться».

Ясное дѣло, что здѣсь идетъ рѣчь о домѣ сопротивнаго князю Данилу владыки Перемышльскаго, и его гордыхъ служителей, въ числѣ которыхъ былъ и словутный пѣвецъ Митуса. И такъ, этого

(*) Такъ поправляю я; въ подлинникѣ: акы *связаного*, и не выходитъ смысла. Переписчикъ, вѣроятно, не зналъ или не разобралъ слова *связень* — узникъ (въ Кіевской Лѣтописи, подъ 1183 годомъ, половецкій князь р. Каялъ князь Игорь Святославичъ говоритъ: «и *связня* преда мя»). Нарѣчіе *древле* здѣсь, какъ и въ нѣсколькихъ мѣстахъ лѣтописи, значитъ: *прежде*, *предъ* тѣмъ.

пѣвца нельзя ставить въ число древнихъ южнорусскихъ пѣснотворцевъ, какими были *Боянъ* (современникъ Нестора) и *Плвецъ Иоря* (1185—86); ему чета—развѣ «скопецъ *Мануйло—пльвецъ гораздый*, иже бѣ пришелъ изъ Грекъ самъ третій къ боголюбивому князю Мьстиславу» (Кіев. Лѣт. подъ 1137 г.).

Кстати, о шапкахъ, упомянутыхъ при описаніи гордыхъ слугъ владыки Перемышльскаго: *тулы бобровые*—высокія шапки въ видѣ клобуковъ; *прилици* (волчьи и барсуковые)—шапки съ мѣховыми околышами и съ верхами суконными, бархатными. О *прилици* княжеской см. въ Кіевской лѣтописи (подъ 1172 годомъ); а изображеніе можно видѣть на картинахъ въ древнемъ харатейномъ житіи св. Бориса. О *прилицихъ* простыхъ ратниковъ Русскихъ XVI вѣка упоминается въ Статутахъ Литовскихъ.

М. Максимовичъ.

29 марта, 1860 г.

Мисайлова-Гора.

РІЗДВЯННІ СВЯТКИ.

ПИСЬМО 3-є.

Святій вечір (¹).

Теперь, мой читатель, не на *Рижківські* болота, не къ *Рижківскимъ духамъ и ізкамъ*, а въ самую глубь села *Рижківъ*, на площадь передъ Рижковскою церковью, а пожалуй и на самую Рижковскую колокольню!.. Да торопитесь, мой читатель: скоро вторые пѣтухи запоютъ, а Рижковскому *паламарѣви* (пономарю) не то, что Нестору Рижковскихъ *рибáлокъ* (²). Примется Калѣникъ Даниловичъ за свое дѣло немножко раньше, или немножко позже,—ни чьи интересы не потерпятъ, никто за это не осудить; но Рижковскій пономарь—завони *слишкомъ* рано—«якѣ вже тамъ и моління такъ рано!»—слишкомъ поздно—«и вже! якъ такъ и паламарюватъ!» Конечно, иному прочему на эти *суди и пересуди* можно и вниманія не обратить, и какая-нибудь отчисленная изъ училищнаго въ епархіальное вѣдомство *фа́ра* или *инфима* (³),—словомъ, какая-нибудь

(¹) Первый день Рождества народъ большею частию называетъ *Різдвомъ*, *Різдво*. Но какъ *Різдвомъ* называются и вообще Рождественскіе праздники, то мною и избрано *Святій вечіръ*, какъ названіе съ болѣе тѣснымъ значеніемъ и притомъ употребляемое въ колядкахъ. Впрочемъ, и это послѣднее названіе не вездѣ одинаково употребляется, какъ это читатель увидитъ изъ послѣдующаго въ моемъ разсказѣ.

(²) См. 2-е Письмо.

(³) Семь классовъ духовныхъ училищъ и семинарій назывались *Фа́ра*, *Инфима*, *Грамматика*, *Синтаксисъ*, *Риторика* или *Поэзія* (послѣднее названіе можно теперь услышать только отъ стариковъ-священниковъ), *Философія* и *Богословія*. Ученики этихъ классовъ обыкновенно называются: *Фарістъ* или *Фаріста*, *Инфимистъ*, *Грамматикъ*, *Синтактикъ*, *Реторъ*, *Философъ* и *Богословъ*. Но иногда какъ и у меня: *Фа́ра*, *Инфима* и т. д.

вольная птица, которая сегодня здѣсь, а завтра тамъ, такъ бы, въ этомъ случаѣ, и поступила; но теперешній Риживскій пономарь, *Гарасько Трохимовичъ*, лицо громадское и избранное судомъ громадскимъ, а что всего важнѣе, избранное безъ какихъ-либо внушеній или наблюдений:—такъ случилось;—а въ подобномъ случаѣ—«Э, ні! оцюді слухай!» Какъ только избрали Гараська Трохимовича въ пономари: «А якá бѣде рада?» тотчасъ обратился онъ съ рѣчью къ старѣйшимъ и почетнѣйшимъ. *Рада була—другі півні*,—и съ того времени, вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ, а Риживскіе колокола еще ни въ одну ночь передъ Рождествомъ не потрясали над-Риживскихъ пространствъ, ни раньше вторыхъ пѣтуховъ, ни позже, каковы бы ни были въ воздушныхъ пространствахъ атмосферическія обстоятельства, и какъ бы иной разъ ни хотѣлось Риживскимъ колоколамъ подремать, хоть немножко, хоть *чѹточку*, хоть *півчѹточки* (существительное, которому въ великорусскомъ языкѣ нѣтъ соотвѣтственнаго,—отъ *чуть*).

Какъ тихо вездѣ! Не будь огоньковъ въ окнахъ—видите, въ той вонъ сторонѣ, какъ весело—два окна? Это у Гаврилѣнживъ,—есть кому и есть изъ чего... А бѣднякъ Лебедь—*тільки-тільки!*.. А какая погода теплая! Не будетъ ли снѣгъ къ утру? Сколько я замѣтилъ, въ эту пору на Рождество почти всегда такая.

Но тише! кажется, гдѣ-то пѣтухъ — крыльями!.. Ухъ, какой голосистый! Должно быть у Дорошійхи, удивительныхъ держить пѣтуховъ! А вотъ и другой, третій...

Вторые пѣтухи на полномъ ходу! Вотъ гдѣ-то, далеко-далеко, на томъ концѣ села, какъ-будто на томъ свѣтѣ... вотъ здѣсь, тамъ, снова здѣсь—экъ разомъ хватили! должно быть съ такту сбились.

Но тише снова: кажись, залаяла собака... А, это Гарасько Трохимовичъ! Видите, въ томъ углу площади, огонекъ какъ-будто колышется: это *з лухтарнею* (съ фонаремъ), должно быть идетъ будить *бáтюшку*... Нѣтъ, остановился у Гаврилѣнживъ, стучить... Понимаю!

Надобно вамъ сказать, что паробки наши—большіе охотники звонить въ колокола. Нужно, напимѣръ, прозвонить по *вмірущому*: «А ну! Пѣтре или Іванѣ», и Петро или Иванъ, навѣрное, не откажутся, хоть дождь на дворѣ будетъ, грязь, *лиха годѣна*. Случится, придетъ, мѣста заняты—ничего! покрайней мѣрѣ послушаетъ, какъ оно тамъ—*якъ въ котлі кипить*. Я знавалъ любителей, что

въ дни, когда обыкновенно цѣлый день бываетъ трезвонъ, съ колокольни и не сходили. Придите, въ воскресенье или въ какой праздникъ, въ любое у насъ село, предъ началомъ обѣдни,—паробковъ на колокольню *нашѣвкалось* (налѣзло), какъ говорится, и *кѹрці посомъ нїде клѹнуть!* Конечно, не послѣднее въ этомъ случаѣ и то:—будутъ итти дивчата,—*кажѹкнуть*, перевѣсившись изъ окна... затарабанить пальцами по *шалѣвці*, а пожалуй и *жартюмъ* перекинуться, если стариковъ близко нѣтъ (старики близко—*не лѹже, незвичайно*); но главное—какъ я сказалъ.

На такой склонности, какъ на нѣкоемъ фундаментѣ, воздвиглось убѣжденіе—и не только въ паробкахъ, и въ дивчатахъ, и даже въ извѣстной степени и въ тѣхъ, которые когда-либо были паробками и дивчатами:—чѣмъ въ большой колоколъ и чѣмъ въ большой праздникъ прозвонить, тѣмъ лучше, *величчїе* (тѣмъ больше чести), а прозвонить въ самый большой колоколъ и въ одинъ изъ самыхъ большихъ годовыхъ праздниковъ,—напр. на Рождество, на *великдень*, на *храмъ*,—это ужъ такъ хорошо и *велично*, что просто и сказать нельзя!.. А на семь, и тоже какъ на нѣкоемъ фундаментѣ, воздвигся обычай—*гривні гривня*—(десять копѣекъ), съ одной стороны, вынимать изъ *кешѣні* (изъ кармана), а съ другой принимать и прятать, лишь бы въ такой или такой праздникъ, къ заутренѣ или къ обѣднѣ, въ большой колоколъ звонилъ я, а не кто-либо иной... Переходъ *гривень* въ этомъ случаѣ дѣлается не сокровенно, но во всенародное свѣдѣніе, и никто этимъ у насъ не скандализируется, и не огорчается: такъ принято, такъ ведется, сложился обычай... Ну, да чтобъ гусей не раздражить! Довольно, что Гарасько Трохимовичъ стучитъ въ окошечко именно потому: къ заутрени въ большого зазвонитъ колокола не кто-либо, а чернобровый Гарасимѣнченко Степанъ... И когда, вечеромъ, пойдутъ колядовать, всѣмъ и каждой будетъ извѣстно, что такъ и такъ—кромѣ, конечно одной, которая и не знаетъ ничего, и не вѣдаетъ... «Га? Чогó? Щó, сестріці, кажете?»

Но оставимъ Гараська Трохимовича съ его стучаніемъ въ окошечко, съ его интересами: ему еще многое предстоитъ—пусть онъ *поважно* совершаетъ свое поважное теченіе! Прїйдетъ до *батьюшки*, до *пекарні*, почнетъ стучать въ дверь—слышитъ *наймичка*, да не встаетъ,—посылаетъ *наймита*; наймитъ тоже слышитъ—посылаетъ наймичку. Потомъ церковь надо отворить, свѣчи зажигать и

т. д. Мы отправимся куда-нибудь, къ кому-нибудь,—да вотъ хоть къ старому Түркуту: «хата тёпла, люди добрі (1)», да кстати и въ Гринькѣ, съ женою и съ *кутёю* (2), къ тестю и тещѣ, семья большая, люди предковскихъ обычаевъ.

У Түркута: старуха-жива; три женатыхъ сына—одного только осенью женилъ; двѣ замужнихъ дочери—одну выдалъ замужъ тоже только осенью; неженатый сынъ *женило* (котораго пора женить; употребляется въ смыслѣ болѣе или менѣе шуточномъ, иногда даже насмѣшливомъ); двѣ незамужнихъ дочери *навиданню* (невѣсты), невѣстки, куча *онѹківъ* и *онѹчокъ*. Түркутъ не изъ богачей—*молodoжонъ* (недавно оженившійся, т. е. сынъ) вчера не отправился; меньшая замужняя дочь вчера не прїѣхала изъ Вишняківъ; вся семья, поѣтому, на лицо, прїѣзжихъ не имѣется.

Изъ экономѣи, въ *тѣ хатѣ*, въ чистой, *черезъ сѣни*, огня нѣтъ, а тутъ, на полочкѣ, у *кѣмина каганчикъ*, *эле-эле*, нагорѣлъ *цѣнтъ* (свѣтильня). Спятъ—на *полѹ* старикъ съ *дѣдовимъ онѹкомъ*; на печкѣ—старуха съ *бáбиними* онѹками и онѹчками; на *лáвѣ*—женило: «таке зїлля, якъ парубокъ, треба мать на оці—не то, щобъ... про те у насъ крий Бїгъ! а такъ—дурний рѣзумъ, разъ би въ разъ на ўлицю, ще нашрубѹрить!» (на землѣ) *дѣлі, по́котомъ*, одна изъ старшихъ невѣстокъ и остальные онуки и онучки, которые поспокойнѣе, *дѣдови* не будутъ мѣшать спать. А тамъ, *черезъ сѣни*, осталная семья: незамужнія дочери на печкѣ: «у насъ, кажѹ, про те крий Бїгъ, а дівоті якѣсь незвичáйно при старїхъ, хоть бáтьго й мáти;» на *полѹ*—невѣстка, у которой грудной ребенокъ, на землѣ—*молodoжони* съ *дрїбязкомъ* (съ маленькими дѣтьми), а тѣ двое *по лáвахъ*.

Тихо, крѣпко спятъ, даже старикъ крѣпко спитъ; только изрѣдка одинъ изъ онѹковъ: »переймáй, переймáй!« вскрикиваетъ, или: »на свїй бїгъ! на свїй, на свїй!«—*бѹлка* (3) должно, быть, ему

(1) Сокращеніе извѣстной прибаутки; «Хата-тѣпла, люде-добрі; кабаки-дѣлі». Въ такомъ сокращенномъ видѣ прибаутка эта употребляется въ болѣе деликатной бесѣдѣ.

(2) См. 2-е письмо.

(3) *Булки*, или *ковінька*—игра. Подробное объ этой игрѣ объясненіе можно найти въ одномъ изъ примѣчаній къ Отрывкамъ изъ автобіографіи Васи́лія Петровича Бѣлокопытенка, помѣщеннымъ въ IV книгѣ Русской Бесѣды за 1838 г.

грезится... да отъ времени до времени, *під нічю*, вздыхаетъ малый теленокъ—передъ самою *Кутею* Богъ далъ! то-то праздниками полагомится *дівора молозивомъ* ⁽¹⁾!

Но вотъ *бѣкнуло* (ударили въ колоколъ) — не громко еще хорошенько *сѣрця* не *роскомихали*... въ другой разъ—громче—старигъ притихъ... еще громче—услышалъ. «Слава тобі,» говоритъ, «Господи!» *заворушівся*, крестится, поднимается...

Чрезъ нѣсколько минутъ, въ обѣихъ хатахъ у Туркута—яркій огонь, бѣготня, *уливанія*, *одягання*, кромѣ самыхъ малыхъ дѣтей, которыхъ и не трогали. А Гарасимѣнченко Степанъ звонитъ и звонитъ, стараго и малаго зоветъ послушать великую вѣсть: «Діва днесъ Пресуществѣннаго рождѣ!»

Сборы въ церковь на Рождество не долги, особенно старику и мальчикамъ: бѣлье чистое надѣто съ вечера, все убранство вынуто изъ скринь и принесено изъ *хѣжі* (изъ чулана въ сѣняхъ), *комірѣ*, тоже съ вечера. Вотъ развѣ дівчата съ своими *стрічками*, да пожалуй еще молодая певѣстка — *вімостить ріжечки* у платка, у новой плахты *гріви*, *червоний* поясъ, чтобы конецъ сзади такъ и разостлался!..

Мальчики ужъ готовы, у порога, перешептываются, посматриваютъ на старика. Готовъ и старикъ, поясомъ *підперезавъ каптанокъ*, надѣлъ новый нагольный козухъ.

— А ну, старá, достáнь тепѣрь грóші!—говоритъ, окончивъ *одягання* и поправляя что-то за *коміромъ* (за воротникомъ),—должно быть что-то жметъ.

Старуха достаетъ изъ скрини мѣдныя деньги, завязанные въ *хустину* — беретъ, садится возлѣ стола и принимается считать и раскладывать въ маленькія кучки, отъ времени до времени присвѣчивая къ каганцю: «шагъ вонó (грошъ ли это), чи копійка.» «Ну,» «говоритъ, ужъ деньги теперь настали! просто *кипці зъ ними погубишъ!* На, лишень, старá, подивісь ти!» или обращается къ кому-нибудь изъ старшихъ дѣтей, кто случится ближе...

Окончивъ расчеты, старикъ подзываетъ старшаго онука: «Оцѣ,» говоритъ,» тобі *шажокъ* (грошикъ), *свѣчку обмінишъ* (не купишь, а вымѣняешь, или поставишь) *Бóжі Матері*... А оцѣ, *Петрусю*, тобі!»

(1) *Молдзиво*—извѣстнымъ образомъ приготовленное блюдо, изъ молока только-что родившей коровы. Самое молоко тоже называется *молозивомъ*.

Получившіе совершенно счастливы!... «А ви, объявляетъ остальныхъ: — ви на службі (на обѣднѣ, т. е. *обміните*)... На, старá, да сі́ імъ тоді, а то погублять (потеряють).» Неполучившіе немножко опечалены: — имъ бы хотѣлось сейчасъ имѣть шажки въ рукахъ; — *didivz* онукъ дѣлаетъ даже возраженіе, баба хочетъ замолвить слово за *своихъ*: «Ні, ні!» говоритъ тихо: — *идіть!*» — онъ знаетъ, чтó дѣлаетъ, онъ разсчиталъ крѣпко!...

Двери скрипнули, *чоботи* (сапоги) застучали, и чрезъ нѣсколько секундъ хата отъ *дівóри* опросталась.

Потомъ старикъ даетъ деньги женатымъ сыновьямъ, чтобы каждый поставилъ по свѣчѣ всѣмъ намѣстнымъ иконамъ, на утрени и на обѣднѣ, по нѣскольку шажковъ дочерямъ и невѣсткамъ... *Женіло* проситъ и себя!.. «Ще й тобі!» говоритъ старикъ: — я, якъ бувъ такимъ, ніко́ли у ба́тька не проси́въ!.. Ну, на; та йди собі, геть!.. Архистратіхові жъ Михаилові поставъ!.. «уже ввелѣдъ, а тотъ только усмѣхается; — «а на службі Іванові Во́ину!.. чи не одучать хоть вони тебе одъ кулачокъ!... (1) «На жъ и тобі, старá!» заключаеъ старикъ, обдѣливъ всю семью и отложивъ и себя нѣсколько шажковъ. Старуха отказывается: «гдѣ ужъ! мнѣ-ли *протóвнитця* (протолкаться, т. е. къ свѣчамъ и къ иконамъ)!» Вотъ, говоритъ, на службу пораньше пойду и Матери *Бóжі* свою, *самоділову* (домашняго, своего приготовления).

Уходитъ въ церковь старикъ, а за нимъ и другіе: сыновья, невѣстки, дочери.... Какіе *дукачі* (въ родѣ медальоновъ—мѣдные, серебряные, иногда и золотые) у нихъ, *наміста́*, *стрічки́*! Какія свиты бѣлыя:—еще ни разу не надѣвали!... Последнею собирается

(1) Старикъ намекаетъ на предстоящія, во время праздниковъ, кулачки. Вообще, парубокъ въ многочисленной семьѣ у насъ какъ-будто чужой: вонъ такé зiлля—задира́кувате, гуливое, въ дѣсь смотритъ, а не въ семью, пока не женится, т. е., не то чтобы въ дѣсь, а за ворота... Впрочемъ, это отчужденіе болѣе паружное, чѣмъ внутреннее, болѣе ворчаніе, чѣмъ дѣйствительно гнѣвъ: «Ще й тобі!» говоритъ старикъ Туркутъ: — ну, на, та йди собі геть! Скажу даже больше: я крѣпко сомнѣваюсь, чтобы за этимъ ворчаніемъ не было чего-нибудь совсѣмъ противоположнаго насущенному виду, сердитому голосу,—также крѣпко сомнѣваюсь, чтобы старикъ Туркутъ велѣлъ поставить свѣчи Архистратигу Михаилу и Ивану Воину, именно для того, чтобы они отучили повѣсу отъ кулачокъ, а не для того, чтобы они помогли ему весь Таранівский кутъ (уголъ, т. е. часть села, гдѣ живутъ Тараніи) гонять праздниками на кулачкахъ, какъ чѣреду. Не даромъ же повѣса, уходя, усмѣхался!

старуха... останавливается еще разъ, оглядываетъ себя и все кругомъ, какъ бы еще чего не забыть. Ушла — и чрезъ нѣсколько секундъ снова назадъ, стучить въ окошечко: «Гляди́те же мені́,» говоритъ: «не забудьте теля́ти нагоду́вать!»

Остаются дома: только невѣстка съ груднымъ ребенкомъ, всѣ *дівчатка*-онучки! — гдѣ имъ толкаться ночью! — да онучки-мальчишки, которымъ въ церкви пришлось бы только носы утирать. Къ обѣднѣ, пожалуй, кое-кого и изъ нихъ заберутъ, кто покрупнѣе — старуха возьметъ, — *матері*; а теперь: — «воно́ ще зовсімъ мале́, — який ще у й ёго й гріхъ!»

Главная забота остающейся дома невѣстки — убрать хаты, накормить теленка и затопить *печи*.

Уборка хаты въ настоящемъ случаѣ состоитъ уже не въ подбѣливаньи и вымываньи: все, что нужно было вымыть и вымазать, вымыто и вымазано вчера послѣ вечери, или, — какъ объ этомъ сказано мною въ своемъ мѣстѣ — и раньше. Не займется теперь невѣстка и украшеніемъ хаты. То ли, что, для народа, говоря вообще, праздни́къ становится осязательнѣе, ближе его сердцу, теплѣе, только съ того момента, когда въ празднованіе начнутъ привходить предметы, болѣе доступные его пониманію и ему близкіе — напр., на Свѣтлый Праздникъ, когда, на заутрени, «обнимемъ другъ друга», еще болѣе, когда вокругъ церкви станутъ рядами *паски*, и еще болѣе, когда хата, все и всѣ въ праздничномъ, всѣ цѣлуются, христосуются, а на столѣ — *паски*, то, другое, — другими словами, то ли, что праздни́къ у народа, по крайней мѣрѣ у нашего народа, сосредоточивается главнымъ образомъ въ обѣденное и послѣдующее за тѣмъ время, или же тутъ имѣютъ значеніе какія-либо другія причины, напр., просто расчетъ, заняться украшеніемъ, когда вытоплено, подметено, пылъ не подымется и не сидеть ни на чемъ — то ли, или это; но сколько я замѣтилъ, украшеніе хаты на Рождество дѣлается у насъ всегда, когда вотъ-вотъ уже изъ обѣдни!... подразумевается, если кто нибудь изъ женщинъ во время обѣдни дѣла; если же всѣ уходятъ въ церковь — что, скажу мимоходомъ, бываетъ только въ семействахъ слишкомъ немногочисленныхъ, да и то не всегда, — украшеніе — во всякомъ случаѣ — послѣдняя вещь, чѣмъ займется хозяйка, или кто тамъ вмѣсто нея, такъ-что приди изъ церкви, поклонись образамъ... погляди кругомъ — свѣженькое все, чистенькое, хата какъ съ иголочки... Невѣстка Туркутишина,

потому, не займется теперь украшеніемъ хаты: этимъ займется во время обѣдни наименьшая невѣстка:—встати, она такая *джиджулу́ха* ⁽¹⁾! она уберетъ постели, одежду, которую поразбрасывали спѣшившіе въ церковь; меньшіе дѣти станутъ подыматься, будетъ умывать ихъ, наряжать, чѣмъ Богъ послалъ: дѣвочкамъ — *намістечка* по *разбѣрку* (по ниткѣ) или по два, а, пожалуй, и какую-нибудь ленточку на головку... мальчикамъ—копѣчной тесемки по кусочку, *въ застіжки*; а встанутъ всѣ—солому подобрать, гдѣ спали, *підъ нічъ*, хаты подмести, повинымать *рушники* для убранства хаты, и т. д.

Кормленіе теленка,—не на Рождество, а во всякое другое время,—занятіе не изъ такихъ, которыя особенно озабочиваютъ моихъ земляковъ и землячекъ; а потому во всякое другое время о немъ не стоило бы и упоминать. Но на Рождество,—для нихъ, а слѣдовательно и для насъ, ведущихъ рѣчь объ ихъ *Різдвяннихъ святкахъ*, оно очень важно. По нашимъ понятіямъ,—коровы, во время *Різдвяннихъ святокъ*—Різдвяннихъ святѣвъ въ тѣснѣйшемъ значеніи, т. е. первыхъ трехъ дней: на *саме Різдво*, или на *Свѣтій Вѣсиръ*, какъ у меня названъ тотъ день, на *Богородицю* и на *Троїцю*—должны быть неразлучно съ своими телятами, и телята должны *въ прѣнустъ* (сколько хотятъ) кормиться молокомъ... Ясли ли, давшія убѣжище Матери, раждающей Бога, или что-либо другое послужило тутъ основаніемъ—не берусь разсуждать. А что дѣло ограничивается однѣми коровами—изъ всѣхъ домашнихъ животныхъ только коровы и свиньи въ эту пору рожаютъ дѣтей; но послѣднія—въ такомъ снисхожденіи не нуждаются:—онѣ и безъ того не разлучны съ дѣтенышами. Притомъ, животныя эти, занимая столь почетное мѣсто въ яствахъ украинскихъ христіанскихъ празднествъ, занимаютъ слишкомъ непочетное мѣсто въ украинскихъ христіанскихъ понятіяхъ.

Какъ бы то, впрочемъ, ни было, относительно коровъ и телятъ, мои земляки и землячки такихъ-именно убѣжденій, а потому, тотчасъ послѣ вечера на Багату Кутю, телятъ выпускаютъ къ матерямъ,—въ кошары, или гдѣ тамъ онѣ есть,—и оставляютъ вмѣ-

(1) Любящая, чтобы все было на ней и гдѣ она живетъ, изящно, чисто, принаряжено. О мужчинѣ не говорится *джиджулу́нь*, хотя и говорится *приджи джу́лився*.

етѣ до утра четвертаго дня праздника, иногда даже и долѣе. Если же теленокъ слишкомъ малъ, можно опасаться, замерзнетъ на дворѣ, или пожалуй въ темнотѣ наступитъ *товаряка*, — держать въ хатѣ, по крайней мѣрѣ ночью, но за то носить, какъ можно чаще, кормить. «А що,» спрашиваетъ молодой *хазяїнъ* у своей молодой *хазяйки*: — «мѣже бѣ порѣ до корѣви телѣ?» — «Та тѣльки шо носила!» — «Ну, и шо жѣ?» — «Такъ цмолить (съ охотою, съ аппетитомъ сосетъ, *ажѣ цмокає*), такъ цмолить!» — «А та?» — «Та?... сказано, мати — ажѣ підтюпцемъ⁽¹⁾, якъ побѣчила!... и такъ ліже ёгѣ, ліже!» И молодой *хазяїнъ* поворачивается къ окошечку съ улыбкою, которая даетъ разумѣющему разумѣти, что благодаръ Божіи на домѣ семь: «Ну,» говоритъ, «полижй жѣ и ти своё!»

Самая главная забота остающейся невѣстки — топить *печи* и *приймаютьця поратыця*. Печка въ той хатѣ, *черезъ сѣни*, топится сейчасъ же, по уходѣ всѣхъ въ церковь, или, смотря по заведенному въ семействѣ порядку, немножко позже; но въ печкѣ здѣсь, гдѣ и ѣсть будутъ варить, разводится огонь къ концу заутрени; словомъ, такъ, чтобы *топінка* окончилась непременно до окончания обѣдни — а обѣдня на Рождество бываетъ у насъ по деревнямъ довольно рано — и притомъ такъ окончилась, чтобы осталось немножко времени и *придждижулить* хату. Въ семействахъ немногочисленныхъ, — вообще, гдѣ на обѣдню всѣ уйдутъ и печки *допѣлюватъ* некому будетъ — разводится огонь и еще раньше, чтобы покончить совсѣмъ по крайней мѣрѣ къ тому времени, когда *зadzвонять у всі*.

Впрочемъ, хлопоты тутъ зѣ *топінкою* не бываютъ такъ многосложны, какъ въ другіе праздничные дни, кромѣ, конечно, Свѣтлаго праздника; даже не такъ многосложны, какъ и въ *бѣдденъ*. Блюдь, въ этотъ день, какъ увидимъ ниже, готовится немного; все, что нужно для *варінки*, изъ погреба, изъ коморы и т. д., внесено съ вечера, какъ объ этомъ объяснено у меня во второмъ письмѣ, даже топливо заготовлено на Багату Кутю, т. е. принесены поближе солома, тростникъ, дрова, какъ тоже объяснено во второмъ письмѣ. А что вчера сало накрошено, мясо нарублено —

(1) Этому слову нѣтъ соотвѣственнаго въ великорусскомъ языкѣ. Тіопать — бѣжать рысцою, підтюпцемъ — идти такъ быстро, что вотъ-вотъ побѣжитъ, и даже сдѣлаетъ нѣсколько шаговъ бѣгомъ.

объ этомъ и говорить нечего! По нашимъ понятіямъ, въ такой праздникъ, какъ Рождество, вообще грѣшно работать: напр., грѣшно доставать *вариво* изъ погреба, мыть лаву, даже топить грѣшно, и если топимъ, то дѣлаемъ это по самой необходимой необходимости ⁽¹⁾; но крошить, рубить—вообще, *рѣзать*—изъ работъ это у насъ самая грѣшная! Откуда это, въ силу какихъ причинъ, подъ какими вліяніями сложилось у насъ такое вѣрованіе? Замѣчу однако, что рубить, дѣлая *домовину* (гробъ) — не грѣхъ, какъ не грѣхъ дѣлать это ни въ одинъ день въ году, конечно, если настоитъ въ томъ крайняя надобность. И еще замѣчу, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Украины рѣзать на Новый Годъ и еще грѣшнѣе. Это еще непонятнѣе. Хотѣлось бы очень знать, въ какой степени повсемѣстно это вѣрованіе у Украинскаго народа, не выключая Галичанъ и потомковъ Запорожцевъ. Нашъ Новый Годъ, къ сожалѣнію, я имѣлъ случай наблюдать только въ Полтавской губерніи и, главнымъ образомъ, только по рѣкѣ Оржицѣ.

Время отъ заутрени до обѣдни употребляется, мужскою частію семьи, на то, чтобы овцамъ, лошадямъ и проч. дать *досвѣчану* и *вранішну* порцію корму, погнать до *ополонки* и проч., и чтобы немножко *прикорхнѣть*, *замінутъ* по крайней мѣрѣ, т. е. дать *досвѣчану* порцію сейчасъ, пришедши отъ заутрени, потомъ заснуть, а потомъ, уже предъ самою обѣдней, дать и *вранішну* порцію.—Кормленіе и напосаніе скота въ этомъ случаѣ дѣлается не очереднымъ изъ сыновей или внуковъ, вообще—не по заведенному порядку, а *гуртомъ*, общими силами, чтобы поскорѣе. «А нуте, дѣти, кінйтесь!» говоритъ старикъ Туркутъ—и тотъ по *осоку*, тотъ солому *смікать*, тотъ ополонку пробивать — не прорубливать, а пробивать—а *малѣча* ужъ конечно возлѣ овецъ. Такъ же точно употребляется это время и женщинами: кормятъ птицу, свиней и *щобъ хоть бѣі поламать* ⁽¹⁾,—съ тою только разницею, что какъ птица и свиньи, *вдосвіта* никогда не кормятся, то не кормятся и теперь.

Но вотъ снова зазвонили *до цѣркви*, — (конечно, у *великого*

⁽¹⁾ Ужинать, поэтому, на Рождество у насъ почти никогда не готовятъ, какъ объ этомъ будетъ и ниже.

⁽²⁾ Непереводимое выраженіе. «Не заснула, а тільки бѣі поламала», говорятъ преимущественно женщины.

дзвона другой кто звонить, а не Гарасимѣнченко) — снова опросталась хата, да ужь такъ, что только наименьшая невѣстка дотапливаетъ печку, да двое, трое дѣтей, *хворенькихъ* или совсѣмъ *нѣзмисливъ*, дома, — даже грудного ребенка унесли! Вотъ и печка дотоплена, *джиджулуйха* принимается, наконецъ хату *джиджулуйть*...

Но нѣтъ! не стану объ этомъ рассказывать! Интересно наблюдать, какъ обломокъ мрамора, подъ рѣзцомъ искуснаго ваятеля, мало-помалу превращается во что-то образъ имѣющее; но гораздо выше интересъ — взглянуть, когда этому мрамору данъ, такъ-сказать, послѣдній ударъ, и произведеніе явится во всеоружіи соотвѣтственныхъ идеѣ формъ...

Случалось мнѣ на Рождество входить къ моимъ землякамъ и въ хаты... и въ мѣщанскія и въ панскія *горнички*, и въ великопанскія и купеческія горницы. Войдешь къ купцу, мѣщанину и даже къ подгороднему доброму моему земляку — панское и великопанское въ сторону — такъ и рѣзнеть сейчасъ тебѣ въ глаза: какая-нибудь яркаго цвѣта занавѣска у кіота — у купца; шпалеръ, теремокъ — у мѣщанина, у подгородняго земляка. А рѣзнуло въ глаза, — дѣло извѣстное — и вниманіе тамъ остановится, недоумѣваешь или усмѣхнешься, а дальше не пойдешь, а пойдешь, — не скоро, или такъ пойдешь, что и вспоминать не стоитъ... Но сколько я ни входилъ къ моимъ добрымъ землякамъ, хуторскимъ или сельскимъ захолустникамъ, — бѣденъ ли онъ, достаточенъ, — сначала, отъ порога, только чистота — не та, какою-то терпкостью дышащая чистота, которая обдаетъ васъ, когда входите въ нѣмецкій домъ, а чистота теплая, улыбающаяся... отъ *печі*, зъ *підпичця*, отъ *місника*, лавы, *поліць*... потомъ, на *колѣчкахъ*, постепенно: *рушнички*, рушники, шитые рушники, разшитые... и наконецъ, въ преразшитомъ рушникѣ, на бѣленькомъ *божникѣ*, съ пахучими васильками по бокамъ и съ висящими изъ *божника* обильными колосьями жита... какъ средоточіе міра этого, какъ его послѣднее слово... *мовъ въ гніздѣчку*, — маленький, потемнѣвшій... лигъ какъ и наши, изможденный какъ и мы... благословляетъ!.. голова долу преклоняется, рука поднимается крестъ сотворить... А подъ нимъ, поистинѣ *Вочловѣчившимся* (1), на *пѣкутті*, — ясли, гдѣ Онъ когда-то...

(1) Едва ли иной народъ, съ очертаніями своего лица, отразилъ себя въ иконописи, больше, чѣмъ народъ украинскій — конечно въ иконописи своей, а не заимствованной, или привозной.

Обѣдъ на Рождество начинается и продолжается среди обстановки, какъ и на Багату Кутю: курится ладанъ, читается молитва, горитъ восковая свѣча. А все не то, что Багата Кутя,—нѣтъ той теплоты и тихости, той таинственности, того чего-то, чѣмъ такъ проникнута *вечѣря*.

Если и весело бываетъ на Рождество за обѣдомъ — веселость выходитъ какая-то шумная, съ набитымъ колбасою ртомъ, съ разрумяненными подъ влияніемъ чарки, послѣ холода, щеками...

За первую чаркою вспоминаютъ и отсутствующихъ — «нехай же, мовъ, легенько и імъ згадається!» — но вспоминаютъ какъ-то вскользь, безъ особеннаго значенія; а ужъ заплакать — очень, очень рѣдко!

Предложить дѣтямъ *горілки* — если еще и предложить: пьютъ — пусть пьютъ, а не пьютъ — «дурні, такого діва та не хочуть!»

Въ отношеніяхъ семьи съ домочадцами внимательный наблюдатель непремѣнно замѣтитъ, что того, что было вчера, ужъ нѣтъ!

Первымъ блюдомъ на столѣ непремѣнно является что-нибудь изъ остатковъ вчерашней вечери, большею частію рыбное: холодный борщъ, холодные *товчѣники*, холодная жареная рыба. Подается все разомъ, ѣдятъ, кто что хочетъ, пока кончатъ. Нѣтъ рыбнаго — даютъ немножко кути или узвару; но только, говорю, начать обѣдъ непремѣнно нужно вчерашнимъ.

За этимъ слѣдуетъ сейчасъ колбаса — смотри, *джиджолѣхо*, чтобъ была она горячая, шкварчающая! Ужъ не даромъ же шесть недѣль «и въ вічі не бачили, якá вона!»

Колбаса — «не та чорзна-яка, а хорѣша ковбаса́, наська» — вообще говоря, для насъ желанный гость на столѣ, и появленіе ея мы всегда привѣтствуемъ извѣстнымъ ослабленіемъ въ лицѣ и киваніемъ слононь; чтобъ и говорить, если еще шесть недѣль!.. шутка ли — шесть недѣль! А вѣдь есть несчастные, которые и по шести мѣсяцевъ и даже по шести лѣтъ въ глаза ея не видали!.. Запѣвалы, конечно, тутъ *малѣча*: чуть *джиджолѣха* *зашамотіла* у печки, послала *хвѣтки* доставать сковороду — позаворачивали *головкѣ*, повытягивали шею... А старшіе — «оце бѣ такі й вони!»

Но вотъ сковорода визжитъ, тинуть по черені... вытянули, *сичить* — мысли и сердца дѣтскія, а́може шествіе ея! А! поставили на столѣ...

Да не подумаетъ однако читатель, что дѣтскій восторгъ, удивленіе — только изъ дѣтскаго желудка! Дѣло въ томъ, что эта са-

мая колбаса, и не дальше какъ сегодня утромъ, была въ лѣсѣ, въ садкѣ, или просто гдѣ-нибудь въ *гайкѣ*, на деревѣ, и особенно на вербѣ, вмѣстѣ съ саломъ и тому подобнымъ скоромнымъ, и только вотъ, предъ самымъ окончаніемъ обѣдни, спустилась — въ село, въ печку, и прямо на сковороду! Поневоля́ будетъ и восторгъ, и удивленіе, а пожалуй и опасеніе: а ну, да вздумаетъ снова!.. Въ какой степени распространенъ у насъ обычай говорить подобное дѣтямъ — не знаю; но знаю навѣрное, что онъ существуетъ не на одномъ только пунктѣ лѣвой стороны Днѣпра... Нижеподписавшійся самъ испытывалъ ощущенія, которыя сейчасъ описалъ, и живо помнить, какъ, во времена оны, ѣдешь бывало съ старикомъ къ заутрени — переѣзжать надобно было черезъ лѣсъ: — «А что,» спрашиваешь,» колбаса вѣрно ужъ спускается съ дерева?» — «Какъ можно! отвѣчаетъ серьезно: — еще рано!» — «Да гдѣ жъ она? — не видно!» — «Въ *гуцині*, ночь!» Случалось, что къ заутренѣ не ѣздили, а поѣхали къ обѣднѣ: «Да, говоритъ, ужъ начала спускаться! вѣрно, ужъ на *піддерева* спустилась!» А возвращались изъ церкви: «Вонъ-вонъ!» говоритъ: — видишь, какъ *чхуриула!*» — «Гдѣ, гдѣ?» — «Да вонъ же, впереди!» — «Да гдѣ же?» — «Эхъ, який же ти дурень! говорю — впереди!» Вы напрягаете все вниманіе, *зпинається* (поднимается) на саяхъ — нѣтъ! — «Сховалась уже,» говоритъ, «за *рігъ* повернула!»

Въ семействахъ, познакомившихся съ разными, идущими въ снѣдъ, прибавками, къ колбасѣ подаютъ соленые огурцы. «Що то вонô за птиця була бѣ, та ковбаса, якъ би їй крила!»

За ковбасою слѣдуетъ иногда борщъ, но большею частію, можно сказать почти всегда, *капу́ста*, что-то въ родѣ великорусскихъ щей, только гораздо гуще — почти розмазною: готовится изъ сѣченой капусты, немножко пшена, съ *свининою*. Блюдо довольно вкусное, если хорошо приготовить. Почему въ праздникъ Рождества *капустъ* отдается преимущество предъ борщомъ — не знаю. Не потому ли, что, какъ я сказалъ выше, въ праздникъ этотъ не позволяется ничего рѣзать, а для капусты не нужно ни *мелюстокъ* рѣзать, ни *буряківъ кришити*? Притомъ, приготовленіе *капусты* легче и не столько *колô неї захôду и забобоновъ*, какъ возлѣ борща.

Капустою и оканчивается обѣдъ. Въ семействахъ достаточныхъ и, вообще, въ такихъ, гдѣ до колбасы не ѣли кути, послѣ ка-

пусты ѣдятъ еще и кутю, обыкновенно съ молокомъ; но какъ избранныхъ такихъ не слишкомъ много, то и считаю себя вправѣ заканчивать на Рождество обѣдъ капустою.

Послѣ обѣда, *джиджулѹха* съ мужемъ собирается къ своимъ, въ Гринькѣ—да чтобы все новое да лучшее надѣтъ! и въ особенности, чего въ Гринькахъ не носятъ: пусть ахаютъ прежнія подруги, удивляются — «вотъ», молъ, «у *Изивни*: комірѣ у неі на кожусі бабакомъ оббитый, платокъ — съ золотыми цвѣтами!» Джиджулѹха бѣгаетъ, суетится, а старикъ наказываетъ и поклонъ передать *сва-тамъ*, и просить въ гости *прибувати*. И непременно добавитъ: «Та скажи,, що, мовъ, свѣкоръ щодній бѣе!» — «А свекрѹха», подхватываетъ Туркутиха въ томъ же тонѣ: — «щодній істи не дае!..» Тѣ собираются, а остальная семья — вся спать, даже дѣти: надо вознаградить за ночное бдѣніе, да и время свободное. А выспавшись хорошенько...

Но прежде, чѣмъ Туркутова семья выспится хорошенько, считаю нужнымъ прервать на время свой рассказъ.

Вамъ, можетъ быть, страннымъ показалось, отчего я, рассказывая про *праздникъ*, прошолъ молчаніемъ то, что считается самымъ важнымъ въ праздникѣ, т. е. ничего не сказалъ о рождественской заутрени или обѣднѣ, или даже не повелѣ васъ въ церковь? Вмѣсто всякаго объясненія, выписываю слова, которыми начинается 1-е мое Письмо.» Подъ словомъ «святки,» праздники, я буду разумѣть не то, что мы привыкли обозначать этимъ названіемъ, а то, что празднуетъ или чествуетъ какимъ-нибудь обычаемъ украинскій народъ» и т. д. — Рождественскія заутрени и обѣдни не заключаютъ въ себѣ ничего, что въ душахъ моихъ земляковъ отразилось бы какимъ-нибудь особеннымъ трепетаніемъ, какъ, напр., приведенныя выше свѣтловоскресенскія «обнимемъ другъ друга» и паски вокругъ церкви, или же *Ордань*, процессія по полямъ на Юрія, освященіе воды на *Маковіа*, особенно если еще освященіе бываетъ на паромѣ... Паромъ отчаливаютъ, выѣзжаютъ на средину рѣки—и тамъ святятъ воду... Рождественскія заутрени и обѣдни для моихъ земляковъ,—да, сколько успѣлъ я замѣтить, и для великорусскихъ простолюдиновъ — какъ заутрени и обѣдни послѣдняго воскресенья, воскресенья предпослѣдняго и т. д. Вся разница въ томъ, «що то булѣ неділя, а то велике свято, *Різдво*, *розговіни*» — а это еще не много. Одинъ только признакъ рождественскаго цер-

ковнаго празднованія, да и то—одной только обѣдни, составляетъ особенность для моего земляка, именно то, что на Рождество «служба дуже довга;» но эта особенность не такого характера, чтобы могла занимать мѣсто въ моемъ изложеніи. Двѣнадцатый годъ и по груди Украины прошолъ нелегкимъ колесомъ; но наскочило это колесо не на томъ пунктѣ, гдѣ у нея сердце, а тамъ, гдѣ карманъ... да помяло немножко шею, помозолило руки. Спросите у украинскаго простолюдина, что это правилось на Рождество послѣ обѣдни: «та то», говорить, «про Фрэнцуза... Фрэнцузъ, кажутъ, колись... ратниківъ брали», и расскажетъ вамъ многое на тему «постачали—постачали!...» да въ добавокъ, пожалуй, укажетъ на свой *каптанъ фабріцького* сукна, сшитый отцомъ или дѣдомъ въ тѣ поры: «Бачите», говорить, «якѣ дермó (дринь), а по пятнадцать рублівъ, якъ одна копійка!»

Считаю нужнымъ, «за однимъ заходомъ,» сказать тутъ и слѣдующее. Украинскій рождественскій праздникъ, поставленный подъ уголъ зрѣнія, подъ какимъ у меня онъ поставленъ, кажется, есть не что иное, какъ продолженіе праздника, начавшагося вечерею на Багату Кутю,—продолженіе съ помарками и пробѣлами,—и заканчивающагося на Святый Вечеръ колядками. Трудно это доказывать, и вообще при состояніи народознанія, въ какомъ оно у насъ находится, а тѣмъ болѣе—мнѣ; потому и не осмѣливаюсь доказывать свое предположеніе, а только высказываю: можетъ быть, на что-нибудь пригодится. Скажу только, что основаніемъ для него у меня—главнымъ образомъ—вѣяніе и отъ Рождества тѣмъ близкимъ, *ріднимъ*, о которомъ я упомянулъ во 2-мъ Письмѣ, говоря о Багатой Кутѣ, и которое я сильно чувствую всякій разъ, когда опускаюсь поглубже въ трактуемый предметъ. Вѣроятно, между двумя, видными на нашемъ горизонтѣ *озерявинами* и перемежающимися между ними какими-то углубленіями, была когда-то связь; вѣроятно, во времена оны, протекала тутъ какая-то рѣка, да мѣстами высохла или берега обвалились, мѣстами ее засыпали и лизапрудили, и на лицѣ земномъ, послѣ многихъ столѣтій, является что-то, что разгадать въ состояніи только сондированіе почвы, сравненіе, соображеніе, трудъ долгій, терпѣніе великое. Болѣе же осязательными для меня признаками: 1) употребленіе на Рождество и на Багату Кутю въ пищу предметовъ, такъ сказать, самаго *домашняго* свойства; 2) въ известной степени сходство — обѣда на Рождество съ вечерею на

Багату Кутю; 3) обычай брать кутю (*итти* или *іхати* съ кутею), отправляясь къ роднымъ, не только на Багату Кутю, но и въ Рождество; 4) другой обычай — проводить всю семью день Рождества не въ гостяхъ или гдѣ бы то ни было, а непременно дома, въ хатѣ, до наступленія колядокъ, — такъ-что, на дворѣ, вы увидите только, что вышли дать скоту и проч. вечернюю порцію корму; на улицѣ, въ полѣ — «дѣти до бѣтьки ідуть, онѣки до діда и бѣби;» и 5) безразличное (на разныхъ, впрочемъ, пунктахъ Украины) употребленіе для обоихъ праздниковъ названія *Святъ-вечірѣ*, *Святій вечірѣ*: въ однихъ мѣстахъ Святъ-вечеромъ называютъ Багату Кутю, употребляя и это послѣднее названіе; въ другихъ — вечеръ и даже день Рождества, а въ иныхъ — оба дня, — различая только иногда Багату Кутю отъ Рождества употребленіемъ, для первой, названія *святъ-вечірѣ*, а для послѣдняго — *Святій вечірѣ*.

Время отъ сна до сумерекъ, Туркутова семья проводитъ: старшіе въ *сі хати*, тутъ же и пріѣзжая дочь съ своимъ мужемъ — сейчасъ послѣ сна пріѣхали — бесѣдуютъ, взаимно передаютъ новости, забавляющія разными забавками; малѣча — въ той хатѣ, тоже забавляются разными забавками, играютъ въ разные *хатні* игры.

Самыя употребительныя въ это время забавки: *сояшникове* и *гарбузове насіння* (сѣмена подсолнечника и тыквы), а при недостаткѣ сояшниковаго и гарбузоваго — *діняче* и *кавунове*; орѣхи, гдѣ водятся близко лѣса; *кислиці зъ квасу*, гдѣ водится много садовъ; яблоки *зъ пісн* (особый родъ квашенья яблокъ) и *зъ капусти*, кто позажиточнѣе и познакомился съ подобными *пріѣхами* (выдумками, капризами); *медянні коржі* и т. п. У горожанъ, а также и у сельскихъ козаковъ, склоняющихся по образу жизни къ панству, появляются сверхъ того иногда: *вергуні* или *банти*, *орішки*, *шишечки* и тому подобные продукты мѣстнаго кондитерскаго искусства, *маковники* и т. д. Разумѣется, старикамъ, какъ Туркутъ, всѣ подобныя *дурніці* большею частію не по зубамъ, и они ихъ и называютъ такъ: «дурница!» говорятъ. А вотъ груши и яблоки изъ *узвару* — это другое дѣло! «Ке-лишенъ мені горщокъ зъ узваромъ (Дай-ка, и проч.)!» Возставши отъ сна, онъ выпилъ наваръ, а теперь: тѣ — орѣхи, сѣмена, а онъ — свое, *зобѣ та й зобѣ* ⁽¹⁾!

(1) Зобать — клевать, говорится о птицѣ, клюющей зерно, по преимуществу съ выщипываніемъ отъ шелухи, а также и о людяхъ, зобающихъ насіння.

Изъ игръ самая употребительная въ это время—любимая наша *Цицѣбаба* (¹). Кому-нибудь изъ играющихъ, по жребію, завязываютъ глаза, ведутъ до порога и заставляютъ взяться руками за колышекъ, которымъ отворяется дверь, а сами прячутся: «А ну!» скажетъ какой-нибудь *цвѣркунъ* (сверчокъ), изъ-подъ *пѣкуття*, или просто стоя посреди хаты,—увернется, надѣется на свою ловкость:—«уже!» говоритъ, и цицѣбаба, повернувшись и разставивъ руки, принимается тихонько, осторожно, нагнувшись впередъ, прислушиваясь... Иногда, когда игра въ разгарѣ, такую возню подымутъ, такой *иваль* и кригъ, что просто, какъ говорится, хоть святыхъ вонъ выноси! со всѣхъ сторонъ шмыгають, хохочутъ, дергають, *сіпають*, а бѣдная цицѣбаба, какъ вьюнъ на огнѣ: и сюда, и туда!.. Пойманный, въ свою очередь, становится цицѣбабою. — Въ большемъ ходу въ это время и *Чмихъ*. Садятся въ кружокъ — посрединѣ хаты или на *полѣ*, гдѣ лучше — и одинъ объявляетъ, что «запирается Чмихъ», т. е. что никто не долженъ говорить, ни даже *чмихнутъ*. Игра состоитъ въ томъ, что одинъ старается разсмѣшить, а другіе должны удерживаться. Провинившійся наказывается условленнымъ числомъ ударовъ *джуктомъ* (сплетеннымъ платкомъ и т. п.), и въ свою очередь запираетъ чмихъ. Иногда выходятъ очень смѣшныя сцены! Для *дѣтворѣ* довольно одной мысли,—и чмихнуть нельзя — ужасно какъ смѣшно! а тутъ еще кривляется, дѣлаетъ рожицы... Иной, чтобы вѣрнѣе удержаться, приподымется даже, старается ни на кого не глядѣть, особенно на *того*... но нечаянно взглянулъ, за носъ себя!.. движеніе его замѣчено — и другіе за носъ... Нѣсколько мгновеній молчаніе, тишь передъ взрывомъ, посинѣли даже — и вдругъ чмихъ, чмихъ, чмихъ, неудержимый хохотъ! Но иногда выхотятъ сцены и другаго рода: дѣло доходитъ до слезъ и до разбирательства старшихъ...

Но вотъ уже въ хатѣ темнѣть начало, — пора засвѣтить *каганецъ* — на Рождество, какъ сказано выше, вечеромъ почти никогда не топятъ, *вечѣрають* то, что осталось отъ обѣда, — почему утромъ и готовятъ побольше; вотъ *зашломила дѣтворѣ*: кто постарше, одѣлись, куда-то ушли; немного спустя каганецъ засвѣтили — дивчатъ ужъ нѣтъ, куда-то исчезли, паробокъ *шмишнѣвъ*, нѣтъ даже

бѣлящихъ что-нибудь мелкое, напр. груши, потихоньку, съ разстановкою. — словомъ, какъ птица: сначала однимъ глазомъ посмогритъ, повортитъ головку — другимъ, и клюнетъ. Вылущила — и снова.

(¹) Въ иныхъ мѣстахъ купѣ-баба.

одного изъ женатыхъ сыновей... Туркутова семья сидитъ, какъ и сидѣла, какъ-будто ничего и не случилось, продолжаютъ *гѣторитъ*, забавляются *забавками*, ведутъ тихую бесѣду...

Стукъ въ сѣняхъ отъ многихъ *чобѣтъ*; отворилась хата—*дѣтвора*—*колядники*, первая *бѣрта* (первый отдѣлъ).

Охъ, дѣтство мое невозвратное!..

Пишущему строки сіи воспоминается его дѣтство, когда и онъ еще былъ малымъ—премалымъ *пахолкомъ*!..

Семья, какъ и Туркутова: старикъ, *старѣсенькая* моя—не *старѣсенькою* тогда были! всѣ, и я возлѣ *старѣсенькой*, *притулившись*...

Вспоминается, какъ одни за другими колядники: *дѣтвора*, дивчата, парубки, женатые... просятъ благословенія; — благословятъ, колядуютъ...

Вспоминается, какъ дивчата—(подъ крылышкомъ у матери, любимое дитя)—*приспѣвували* мнѣ...

Ой рѣно, рѣно кѣри запіли,

Святій вѣчѣрь!

А ше раніше панъ Матвійко вставъ...

какъ я прятался подъ рукавъ матери...

Панъ Матвійко вставъ, коня осѣдлѣвъ,

Коня осѣдлѣвъ, въ поле виѣжжавъ...

Но всего памятлиѣе, когда два брата Лѣдовѣнки—какіе колядники были!.. высокіе, длинноусые, строгія лица!..

Нѣтъ, не вспомнить мнѣ тѣхъ колядокъ! Про какихъ-то *орлиахъ* пѣли, гдѣ-то и куда-то летавшихъ... какъ-будто... какъ-будто теперь осень скучная и холодная... а оттуда, съ какого-то мглистаго далека, вѣтеръ хлопьями доносить—что-то больно, больно щемящее сердце... какъ будто:

Вилітали орлі

За крутоі горі,

Вилітали, буркутали,

Рѣскоші шукалі...

«Вернітєся», говорятъ, «літа моі!»—«Нѣтъ,— отвѣчаютъ не верніємось, не верніємось!..»

М. Номисъ.

13 Февраля 1861 г.

С. Петербургъ.

ТРИ ПИСЬМА О ПЧЕЛОВОДСТВѢ.

(Продолженіе).

ПИСЬМО VIII.

ТРЕТІЙ ПЕРІОДЪ ПАСИКИ. Яринный взятокъ. Методы получения съ ульевъ меда. Моя метода. Занятія въ пасикѣ въ этотъ періодъ.

Въ предыдущемъ письмѣ я сказалъ, что ежели, ко времени настоящаго взятка, пасика будетъ въ отличномъ состояніи, сильна и благополучна, то при изобиліи взятка и благоприятной погодѣ медъ польется въ нее рѣкою. Но чтобы собрать этотъ медъ, необходимо много знанія, безъ котораго можно потерять его не только половину, но даже и болѣе.

Изъ медистыхъ растений, въ средней полосѣ Россіи, болѣе другихъ доставляетъ меду гречиха, изъ которой пчелы собираютъ такое количество, котораго бываетъ слишкомъ достаточно для ихъ годоваго продовольствія, и часть его можетъ быть, безобидно для нихъ, отдѣлена въ пользу человѣка. Цвѣтеніе гречихи продолжается между пятнадцатымъ числомъ іюля и пятнадцатымъ августа, въ продолженіи почти мѣсяца, но не всегда взятокъ съ нея бываетъ непрерывный и одинаковый; съ-начала и подъ-конецъ этого періода слабѣе, а въ срединѣ—сильнѣе, настоящаго же хорошаго взятка бываетъ иногда пять, семь дней и очень рѣдко—четыренадцать. Поэтому каждый взяточный день очень дорогъ для пчеловода, и его не только не слѣдуетъ терять, но сколько возможно болѣе надобно имъ пользоваться, и стараться, чтобы и одинъ его часъ не прошелъ безъ пользы. Но къ-сожалѣнію, надобно сказать, что въ пасикахъ нашихъ теряется очень много этого дорогаго времени;—это бываетъ во-первыхъ тогда, когда

пасика стоитъ далеко отъ гречихи, и слѣдовательно пчела употребляетъ много времени на пролетъ свой туда и обратно. Въмѣсто того, чтобы слетать за добычей разъ десять, она слетаетъ всего разъ или два въ день: — потеря очевидна. Во-вторыхъ, если пасика стоитъ въ срединѣ гречихи, пчела часто остается праздною оттого, что, прилетѣвши въ улей съ медомъ, некуда ей его выпустить. Если въ ульѣ мало порожней вошины, или если и довольно, то за тѣснотою одна половина пчелъ ожидаетъ, — иногда очень долго, пока другія пчелы выпустятъ свой медъ и имъ уступятъ свое мѣсто; а тѣ, потомъ, прилетѣвши съ медомъ, опять ожидаютъ своей очереди, что продолжается безпрестанно, и чрезъ это навѣрное теряется половина рабочаго драгоценнаго времени, и, слѣдовательно, половина вноса. Это важное упущеніе происходитъ отъ улья, въ какомъ помѣщаются пчелы. Въпослѣдствіи я опишу разные ульи, теперь же скажу, что всѣ они бываютъ двухъ главныхъ родовъ: *цѣльные* и *составные*, или такъ сказать *одноэтажные* и *многоэтажные*. Въ цѣльныхъ ульяхъ, каковы малороссійскіе и другіе имъ подобные, бываетъ одинъ только рядъ сотовъ, отъ пяти до девяти, которыхъ, при изобиліи взятка и силѣ пчелинаго семейства, очень мало для того, чтобы вся пчела разомъ работала. Чтобы болѣе убѣдить васъ въ невольной праздности половины пчелъ въ самое взяточное время, я укажу на одно обстоятельство. Когда въ хорошій взяточный день вы войдете въ свою пасику, состоящую изъ цѣльныхъ ульевъ, то вы увидите, особливо къ вечеру, что на всѣхъ вашихъ, самыхъ сильныхъ, ульяхъ половина пчелы сидитъ снаружи улья, покрывая толстымъ слоемъ всю его переднюю часть и даже землю вокругъ него. Спросите вы пасичника: отчего это? — онъ вамъ отвѣтитъ: оттого, что пчелѣ жарко въ ульѣ, и какъ въ это время дѣйствительно жаръ бываетъ невыносимый, то вы вполне съ нимъ соглашаетесь. Это дѣйствительно происходитъ частію отъ жара въ ульѣ, но тутъ есть еще и другая причина, именно та, что этой пчелѣ нечего дѣлать въ ульѣ. Она прилетѣла съ поля полная меду, но въ ульѣ нѣтъ еще готовыхъ ячей для положенія его; дѣланіемъ этихъ ячей занимается часть пчелъ, остальные же, которымъ дѣйствительно было бы жарко въ ульѣ, какъ полнымъ меда, выходятъ наружу. Чтобы убѣдиться въ этомъ, попробуйте только взять въ руку одну изъ этихъ пчелокъ и подавить ее немножко пальцами: — она тотчасъ выпуститъ изо рта большую каплю меду. Еслибы этой пчелѣ было что дѣлать въ ульѣ, то-есть, еслибы

было куда выпустить свой медъ, то она бы не томила въ ульѣ, но выпустивъ медъ, полетѣла бы въ поле. Въ составныхъ ульяхъ, а особливо въ тѣхъ, гдѣ въ каждой части устроивается особый рядъ сотовъ, какъ въ *линеечныхъ* и во *втулочныхъ*, гдѣ отъ этого образуется не девять, но двадцать семь и болѣе сотовъ, и гдѣ поэтому пчелѣ достаточно и пространства и работы, тамъ всякая пчелка ежеминутно имѣетъ для себя занятіе, и какъ бы жарко ни было, вы не увидите праздныхъ пчелъ снаружи улья; всѣ онѣ ежеминутно работаютъ, а отъ сего въ такихъ ульяхъ пчелы вносятъ въ одно и то же время гораздо болѣе меду, нежели въ одноэтажныхъ ульяхъ. По самымъ точнымъ и многократнымъ опытамъ оказывалось, что изъ двухъ равносильныхъ ульевъ, одноэтажного и многоэтажного, одинъ вноситъ въ день меду четыре фунта, а другой двѣнадцать. Послѣ этого вы согласитесь, что не всегда можно воспользоваться всѣмъ тѣмъ медомъ, какой могли бы доставить вамъ ваши пчелки, еслибы вы дали имъ къ тому всѣ средства, и что я нисколько не увеличилъ, сказавъ, что многіе пчеловоды теряютъ его на-половину.

Во время самаго сильнаго и окончательнаго медоваго взятка, когда пчелы изъ всѣхъ силъ трудятся, чтобы наполнить свои ульи для будущаго своего, почти годичнаго, продовольствія, — въ этотъ періодъ, въ концѣ его или въ срединѣ, пчеловодъ приступаетъ къ полученію дохода отъ своей пасики, къ сбору меда, употребляя для этого разные способы, которые зависятъ преимущественно отъ устройства ульевъ его пасики. Я не стану говорить здѣсь объ отборѣ меда изъ составныхъ ульевъ, а особливо изъ *линеечныхъ*. Это такъ обширно и ново, что требуетъ особаго, подробнаго изложенія (письмо XI); а теперь я буду говорить только объ отборѣ меду изъ *цѣльныхъ* ульевъ, въ какихъ по преимуществу водятся у насъ пчелы.

Самый первоначальный и простой способъ полученія меду заключался въ томъ, что по окончаніи взятка, или даже и въ срединѣ его, подрѣзывали въ каждомъ ульѣ часть сотовъ. При этомъ вырѣзывали, конечно, молодую вощину, а въ ульяхъ оставляли старую, и это продолжалось нѣсколько лѣтъ, вслѣдствіе чего соты дѣлались почти неспособными къ выводу пчелъ. Теперь этотъ способъ, какъ невыгодный для хозяина и вредный для пасики, оставленъ почти вездѣ, гдѣ только есть сколько нибудь уже ученые пасичники.

Другіе способы полученія меду состоятъ въ убіеніи нѣкоторыхъ

пчелиныхъ семействъ и въ перегонѣ ихъ въ новые ульи, — что тоже составляетъ почти убіеніе. Многіе сердобольные пчеловоды, въ особенности иностранные, и нашъ Прокоповичъ, сильно возстаютъ противъ убіенія пчелъ и не только называютъ этотъ способъ полученія дохода отъ пасики варварскимъ, но и доказываютъ, что онъ убыточенъ для пчеловодства, что и дѣйствительно справедливо. Но получить сколько нибудь значительный доходъ отъ пасики безъ убіенія пчелъ, можно только при употребленіи составныхъ ульевъ, на что никакъ не рѣшаются наши даже достаточные пчеловоды, изъ страха мнимой ихъ дороговизны; а потому убіеніе пчелъ въ круглоулейныхъ пасѣкахъ составляетъ необходимость. Въ наставленіи Пономарева, защитника пчелюубійства, указано, какихъ пчелъ убивать и какихъ оставлять въ заводъ, о чемъ и я скажу въ послѣдствіи, говоря о приготовленіи пчелъ къ зимѣ. Получаемый этимъ способомъ медъ будетъ лучше перегоннаго, потому что въ немъ будетъ гораздо меньше червы, но за-то, при употребленіи его, значительно уменьшается пасика и нѣтъ возможности имѣть запасы медковъ или вошанокъ, очень полезныхъ для роевъ будущаго года.

Перегонъ пчелъ состоитъ въ томъ, что тѣ пчелиныя семейства, которыя имѣютъ много меду, разумѣется старыя не роившіяся вовсе или изройки, перегоняютъ въ новые ульи, а медъ ихъ получаютъ въ доходъ. Чтобы такія пчелы, называемыя *перегонами*, могли внести себѣ сколько нибудь меду, то перегоны дѣлаютъ обыкновенно въ половинѣ взятка. Но рѣдко случается, даже и при продолжительномъ взяткѣ, чтобы онѣ внесли себѣ столько меду, чтобы могли перезимовать съ нимъ; а потому, большею частію, по окончаніи взятка, подкуриваютъ, а небольшія, образованныя ими гнѣзда, сберегаютъ на медки для будущаго года. Такъ какъ въ ульѣ, откуда выгнано пчелиное семейство, остается, кромѣ меда, много червы, которая потомъ смѣшивается съ медомъ, то, отъ этого, такъ-называемый перегонный медъ бываетъ самый худой, скоро окисаетъ и не годится для корму пчелъ. Но на это не смотрятъ пчеловоды, потому что медъ и хорошій и дурной, сырцомъ, продается тоже по одной цѣнѣ.

Эти способы полученія дохода отъ пчелъ употребляютъ совместно или раздѣльно, смотря по методу пчеловодства, которой держатся пасичники. При натуральной системѣ бываетъ въ пасикѣ больше нероевъ, нежели изройковъ, и какъ первые имѣютъ больше меду нежели вторые, то определенное количество нероевъ обыкновенно перего-

няютъ, а изройковъ подкуриваютъ, развѣ будетъ очень хорошій взяткъ и изройки многомедны, — тогда и ихъ перегоняютъ. При методѣ промышленной, гдѣ въ пасикѣ почти нѣтъ нероевъ, определенное для дохода количество изройковъ преимущественно подкуриваютъ, потому что, по малости въ нихъ меду, не выгодно дѣлать изъ нихъ перегоны. При методѣ смѣшанной, гдѣ въ пасѣкѣ есть и нерои и изройки, поступаютъ также какъ и при натуральной методѣ. Однимъ словомъ, при всякой методѣ пчеловодства, перегоняютъ многомедныхъ, а подкуриваютъ маломедныхъ. Когда при натуральной методѣ не желаютъ уменьшить первоначальнаго комплекта пасѣки, то подкуриваютъ или перегоняютъ столько старыхъ ячей, сколько прибавилось роевъ, также точно, въ этомъ случаѣ, поступаютъ и при другихъ методахъ. Вслѣдствіе этого сколько-нибудь опредѣлительный доходъ можетъ быть получаемъ только при промышленной системѣ, а при другихъ всегда будетъ вполне случайный: больше роевъ — больше и доходу, а при неройбѣ — или мало, или и вовсе не будетъ никакого дохода. Но промышленная метода очень опасна по большому риску, съ нею сопряженному, — вслѣдствіе чего весьма не многіе пчеловоды рѣшаются ей слѣдовать. А потому ни одна изъ описанныхъ мною трехъ системъ пчеловодства, основывающихъ свою доходность исключительно на увеличеніи числа семействъ пасики, недостаточна для того, чтобы пчеловодство могло сдѣлаться сколько-нибудь надежною хозяйственною статью.

Хотя чрезъ перегоны получается меду менѣе и худшаго качества, нежели чрезъ подкурку пчелъ, но какъ этимъ способомъ можно имѣть много запасныхъ медковъ и вошанокъ, и иногда нѣкоторые перегоны могутъ даже пойти въ зиму, то перегоны предпочитаютъ убою пчелъ. Если вы имѣете запасъ пустыхъ пчелиныхъ гнѣздъ, хотя безъ меду, но съ порожнею длинною вошиною, напр. до половины улья, и въ такія вошанки будете перегонять пчелъ: то, если, послѣ перегона пчелы, взяткъ продлится хотя пять, шесть дней, — перегоны ваши успѣютъ внести столько меду, что, безъ сомнѣнія, пойдутъ въ зиму, и вы даже можете дѣлать такіе перегоны нѣсколькими днями позже, нежели какъ бы сдѣлали при перегонѣ на порожніе ульи. Этотъ способъ полученія меду изъ круглыхъ ульевъ былъ бы самымъ лучшимъ, еслибы можно было всѣ перегоны сажать на большія вошанки. Но этого достигнуть очень трудно. Хотя тогда значительное количество вошанокъ удастся собрать пчеловоду отъ неудавшихся прошлогоднихъ

перегоновъ, отъ пчелъ умершихъ за зиму, а также при пересадкѣ семействъ весною, вслѣдствіе различныхъ неблагополучій, о чемъ сказано мною подробно въ письмѣ V, но этого всего бываетъ недостаточно, чтобы обезпечить себя отъ риска, сопряженнаго съ перегонами.

Пока я не имѣлъ у себя достаточнаго количества линейныхъ ульевъ, которыми, какъ я сказалъ выше, рѣшилъ окончательно воспользоваться для получения значительнаго дохода отъ пасики въ нероевое лѣто, не уменьшая ея комплекта, я нашелъ одинъ способъ пріобрѣтенія значительнаго количества длинныхъ вошанокъ, и тѣмъ открылъ новую методу получения въ доходъ изъ круглоулейной пасѣки значительнаго количества меду, не уменьшая ни увеличившагося рои количества пчелиныхъ семействъ, ни ихъ доброты. Метода эта совершенно новая, никогда неупотреблявшаяся никакимъ пчеловодомъ и нигдѣ неописанная. Она составляетъ такъ—сказать секретъ моей пасѣки, за который меня благодарили всѣ, кому я сообщалъ его; теперь я намѣренъ описать его здѣсь обстоятельно.

Когда въ періодъ роенія, при естественномъ или искусственномъ роеніи съ приборовъ, у васъ отроилась, положимъ, половина пасѣки, а другая половина хотя и сильна, но не готовится къ роенію, то эту половину, или лучше сказать, сколько вы найдете такихъ шей, раздѣлите на два сорта: къ первому отнесите тѣхъ пчелъ, у которыхъ при сильной мухѣ и большой червѣ, заносъ вошины до половины улья, или нѣсколько болѣе, и вошина не очень старая, однолѣтняя или двулѣтняя, а также и посуда хорошая; ко второму же сорту отнесите пчелъ тоже сильныхъ, но имѣющихъ длинный и старый заносъ вошины, и старый улей, т. е. тѣ гнѣзда, которыхъ вы не хотите болѣе держать въ пасикѣ, но предполагаете впоследствии выбить на медъ. Тѣхъ и другихъ должно быть поровну. Эти сорта означьте на донышкахъ ульевъ мѣломъ; на однихъ напишите 1-й, на другихъ 2-й. Тогда изъ перваго сорта начинайте постепенно брать насильныхъ роевъ съ червы, и непремѣнно замѣчайте на изройкахъ карандашомъ. Въ этихъ изройкахъ дней чрезъ тринадцать или пятнадцать выйдутъ свисевыя матки, а дней чрезъ двадцать или двадцать три выйдетъ и вся черва, какая только была въ нихъ заложена прежнему маткою,—между-тѣмъ-какъ новая, свисевая, матка еще не успѣетъ завести новой червы. Этимъ безчервяннымъ состояніемъ гнѣзда нужно воспользоваться для пріобрѣтенія вошанокъ. Въ это

время, то—есть дней чрезъ двадцать или двадцать три отъ взятія сильныхъ роевъ, слѣдуетъ выгнать изройки съ матками и посадить въ новые ульи, на медки или на вощанки, а ихъ гнѣзда, какъ порожнія и чистыя, спрятать и хранить до употребленія. Такимъ образомъ, изъ отобранныхъ вами ульевъ, обозначенныхъ 1-мъ номеромъ, вы будете имѣть двойное количество семействъ пчелъ, роевъ и раннихъ перегоновъ и количество превосходныхъ гнѣздъ, равное половинѣ всѣхъ, отобранныхъ вами сильныхъ, но пероившихся пчелъ. Ранніе перегоны, если у нихъ будутъ хорошія матки,—за чѣмъ, конечно, слѣдуетъ весьма внимательно слѣдить,—къ осени, при хорошемъ яриномъ взяткѣ, поровняются совершенно съ роями; если-же нѣтъ, то по—крайней—мѣрѣ дадутъ хорошіе медки. Теперь обратимся ко второму сорту. Когда гречишный взтокъ достигнетъ высшей своей степени и вы увидите, что въ ульяхъ этого сорта много уже меду, частію даже печатнаго, тогда вы сдѣлайте изъ нихъ перегоны и посадите ихъ на тѣ гнѣзда, которыя у васъ хранятся отъ перваго сорта пчелъ. Изъ перегибанныхъ ульевъ, какъ нероевъ, вы получите много меду, а перегоны, будучи посажены на большія вощанки (гнѣзда), если хорошій взтокъ продлится хотя пять дней, сдѣлаются *линейными* пчелами, ибо пчелѣ трудно дѣлать вощину, а въ готовую она вдвое болѣе и скорѣе наноситъ меду.

Чтобы показать явственнѣе выгоду этого способа, я объясню его числами. Не говоря о прочихъ ульяхъ вашей пасѣки, то есть тѣхъ, которые роились натурально или искусственно (но не насильно), и съ которыхъ вы будете получать медъ чрезъ подкурку или перегоны, производимые обыкновеннымъ способомъ,—положимъ—у васъ осталось 100 пней, неготовившихся къ роенію, но сильныхъ и съ большою червою. Если вы со всѣми ими поступите по промышленной методѣ и со всѣхъ возьмете насильныхъ роевъ, то вы ихъ будете имѣть 100, да потомъ перегоните изройковъ и получите, положимъ, 50 пудовъ меду, а съ перегоновъ, сдѣланныхъ на порожніе ульи, по подкуркѣ ихъ, получите, положимъ, штукъ пятьдесятъ самыхъ маленькихъ вощанокъ. Если-же вы поступите по моей методѣ, то вы получите сначала 50 насильныхъ роевъ; потомъ, изъ 50-ти равныхъ перегоновъ, тоже пятьдесятъ пней неуступающихъ роямъ. Изъ пятидесяти позднихъ перегоновъ вы получите тоже 50 пней; да такъ, какъ вы перегоняли не изройковъ, а лучшихъ нероевъ, и перегоны дѣлали нѣскольکو позже противъ обыкновеннаго, то не премѣнно вы получите изъ

нихъ меду вдвое болѣе противъ изройковъ. Итого, изъ ста пней вы будете имѣть: 150 пней хорошихъ линейныхъ пчелъ и 100 пудовъ меду. Сравните—же что выгодиѣ? Я полагаю, что излишекъ пятидесяти хорошихъ пней пчелы и пятидесяти пудовъ меду, съ избыткомъ вознаграждаетъ недочетъ пятидесяти небольшихъ вошанокъ, которыя, когда нужно будетъ, вы можете сдѣлать и искусственнымъ образомъ. Метода эта составляетъ какъ бы средину между промышленною и смѣшанною методами пчеловодства. Она уменьшаетъ отважность одной и устраняетъ нерѣзительность другой. Въ случаѣ успѣха, она вознаграждаетъ васъ вдвое; въ случаѣ же крайней неудачи, вы лишаетесь не всего, но только половины. — Кромѣ того, при этой системѣ будетъ гораздо менѣе пчелобійства, а при хорошихъ обстоятельствахъ, даже вовсе его не будетъ, и только половина перегоновъ дѣлается во взяточное время; этимъ выигрывается огромное количество драгоцѣннаго времени для ухода за прочими семействами пчелъ и представляется возможность дѣлать перегоны аккуратно, а не такъ какъ это обыкновенно дѣлается, съ болѣею торопливостію, причемъ теряются матки и много семействъ чрезъ то погибаетъ.

Не знаю, захочетъ ли кто, или сѣумѣетъ ли, примѣнить мою методу полученія меду изъ круглоулейной пасики, но какъ обыкновенная метода перегоновъ уже вкоренилась, то я хочу сдѣлать, въ отношеніи ея, собственно одно полезное наставленіе. Болѣею частію перегонаютъ или пероевъ, или раннихъ изройковъ, т. е. самые сильные пни пчелъ, въ которыхъ и мухи много, и червы въ изобиліи. По перегонѣ всей мухи въ порожніе малороссійскіе ульи, ея бываетъ такъ много (почти половина улья), что только часть ея въ состояніи заниматься работою, а остальная сидитъ праздно; слѣдовательно здѣсь почти половина мухи совершенно не нужна. Въ старомъ ульѣ, гдѣ наполовину червы, меду очень мало, да и тотъ, по выбитіи, отъ червы бываетъ не хорошаго свойства; слѣдовательно пчеловодъ, заставивъ муху праздновать въ перегонахъ, теряетъ и въ старыхъ ульяхъ. Поэтому я совѣтую, изъ назначаемыхъ къ перегону сильныхъ ульевъ, выгонять и брать для перегона не всю муху, а только ея половину, или соразмѣрную часть, а другую половину оставлять въ старомъ ульѣ; или лучше сказать, вмѣсто перегона, взять насильнаго роя. Въ такомъ случаѣ насильный рой сдѣлаетъ въ новомъ ульѣ столько же залога, какъ бы сдѣлалъ и перегонъ; оставленная же въ старомъ ульѣ

муха высидитъ себѣ свищевую матку, высидитъ всю черву, и если взятокъ продлится, зальетъ всю вошину медомъ. Тогда пчеловодъ, по окончаніи взятка, подкуривши изроекъ, получить меду болѣе, самаго чистаго, и безъ червы. Сравните же, что лучше и выгоднѣе. Въ яринномъ взяткѣ надобно различать три періода: начало, средину и конецъ. Знать эти періоды крайне необходимо, потому—что въ каждый изъ нихъ производятся свойственныя имъ дѣйствія въ пасикѣ; и если какое либо изъ сихъ дѣйствій будетъ сдѣлано не въ надлежащую часть взятка, то оно не удастся и причинитъ потерю. Хотя опытные пасичники узнаютъ нагляднымъ образомъ средину взятка и его уменьшеніе, но все это не точно и слѣдовательно сопряжено съ потерей нѣсколькихъ дней. Кто хочетъ вести пасику правильнымъ образомъ, и вѣрнѣе дѣлать въ ней всякія операціи съ пчелами, тотъ непремѣнно долженъ, передъ началомъ взятка, избрать одинъ благополучный сильный улей съ пчелами, поставить его на вѣсы, и каждый день наблюдать прибавку или уменьшеніе въ этомъ ульѣ меду и все замѣчаемое записывать. Изъ сравненія прибыли или убыли одного дня съ другимъ, вы будете имѣть самое точное понятіе, увеличивается ли взятокъ, остается ли постояннымъ или, наконецъ, уменьшается; при чемъ, конечно, не слѣдуетъ принимать въ расчетъ особыхъ случайностей погоды. Сообразно этимъ наблюденіямъ вы можете болѣе опредѣлительно распорядиться своими дѣйствіями въ пасикѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ вы удовлетворите своему любопытству, знать, сколько одинъ улей вносить въ день меду и будете имѣть возможность дѣлать заключеніе о хорошемъ или худомъ взяткѣ одного лѣта сравнительно съ другимъ. Это весьма нетрудное средство можетъ предохранить вашу пасику въ неблагополучное лѣто отъ тѣхъ бѣдствій, которымъ вы легко можете ее подвергнуть, слѣдя, по обыкновенію наглядно, за успѣхами ея дѣйствій.

Сообразно тремъ частямъ періода яриннаго взятка, должны производиться въ пасикѣ слѣдующія занятія:

При началѣ взятка: 1—е. *Перевозка пасики*. Въ началѣ этого письма я говорилъ о томъ, какъ драгоцѣнно для пчеловодства взяточное время и какъ его теряютъ, когда пасика находится въ далекомъ разстояніи отъ гречихи. Поэтому, едва начнутъ цвѣсти гречихи, слѣдуетъ непремѣнно вывозить пасику въ средину ея. Но прежде перевозки слѣдуетъ воспользоваться благоприятнымъ случаемъ и поотбирать всѣхъ тѣхъ насильныхъ роевъ, которыхъ вы, по соображенію

вашему, предположили взять. Такъ-какъ въ это время пасика бываетъ очень сильна, улы полновѣсны, а время жаркое, то при перевозкѣ пасики, производящейся обыкновенно въ ночное время, будьте очень внимательны, соблюдайте разныя объ этомъ наставленія, и какъ тутъ отъ несоблюденія чего-либо можетъ произойти потеря, то лучше присутствуйте сами при ея укладкѣ, перевозкѣ и поставкѣ на новомъ мѣстѣ. Въ-особенности наблюдайте слѣдующія правила: чтобы вы успѣли поставить на новомъ мѣстѣ всю пасику до солнечнаго восхода, чтобы пчела не кусала людей и лошадей и чтобы облетѣ пчелы на новомъ мѣстѣ былъ въ самую тихую погоду; а еще лучше, если вы выберете для сего пасмурный день. Перевезя пасику въ гречиху, гдѣ находится также нѣсколько другихъ пасикъ, нужно становиться такимъ образомъ, чтобы ни ваша пчела не имѣла хода чрезъ другую пасику, ни чужая пчела чрезъ вашу; для избѣжанія чего ставьте вашу пасику по одной линіи съ другими, а всего лучше если можно на сзмое дальнее отъ нихъ, не менѣе версты, разстояніе. Иначе, ставши *подъ перелетъ* чужой пасики, ваша пчела будетъ въ ней оставаться; еслижъ чрезъ вашу пасику будетъ итти чужая пчела, а особливо бѣльшей пасики, то хоть сначала она и усилитъ вашу пасику, но съ прекращеніемъ взятка нападетъ на вашу и заставитъ васъ бѣжать.

2. *Уравненіе пасики.* При всемъ предвидѣніи будущаго тихаго дня, иногда пчеловодъ обманывается: при поставкѣ пасики на новомъ мѣстѣ падымается вѣтеръ и тогда совершенно измѣняется ея внутреннее состояніе; нныя ряды пней ослабѣютъ, а на другіе будетъ налетъ мухи. Если вы это такъ и оставите, то пасика ваша жестоко пострадаетъ: ослабѣвшіе пни или совершенно погибнуть, или не принесутъ никакой пользы, а потому необходимо на другой же день заняться приведеніемъ ея въ прежній видъ. Но въ этотъ періодъ слѣдуетъ производить уравненіе пчелы не тѣми способами, какъ въ первый или второй періодъ состоянія пасѣвки, о которыхъ я говорилъ прежде, т. е. прибавкою мухи изъ другихъ ульевъ или пересадкою пчелъ однихъ на мѣсто другихъ, что было бы очень медленно и крайне затруднительно, но всего лучше и удобнѣе дѣлать это *перестановкою* ульевъ слабыхъ на мѣсто сильныхъ, а сихъ послѣднихъ на мѣсто слабыхъ; причемъ изъ предосторожности побрать у слабыхъ ульевъ матокъ въ клѣтки. Этотъ способъ усиленія пчелъ почти исключительно долженъ быть употребляемъ въ этотъ періодъ, потому что пчелы, почувствовавъ хорошій взяткъ, не такъ бываютъ строги и враждебны къ пчеламъ другаго

семейства и легко ихъ къ себѣ принимаютъ, а эти легко привыкаютъ къ чужой маткѣ и не стараются ее уничтожить.

3. *Исправленіе безматковъ.* Въ этотъ періодъ, въ отношеніи благополучія пчелиныхъ семействъ, нужно неупустительно наблюдать все то, что было сказано прежде объ этомъ предметѣ.

4. *Посадка роевъ.* Не во всякой мѣстности роеніе пчелъ оканчивается до яриннаго взятка; большею частію оно и въ это время продолжается, а въ иныхъ пасѣкахъ только начинается. Въ той мѣстности, гдѣ существуетъ большой промежутокъ между весеннимъ и яриннымъ взяткомъ, при недостаткѣ кормоваго меду, даже лучше если пчела роится незадолго до начала яриннаго взятка: тогда не будетъ необходимости долго кормить роевъ. Но такіе рои, а особливо выходящіе или отбираемые во время взятка, должны быть какъ можно сильнѣе, фунтовъ по шести мухи; если же они выходятъ маленькіе, то соединять ихъ вмѣстѣ понѣскольку, помня правило, что одинъ сильный рой внесетъ гораздо больше меду, нежели два маленькіе, которые потомъ, по слабости, придется уничтожить оба. — Если вы по какимъ либо обстоятельствамъ, или по ошибкѣ, — что бываетъ очень часто, — не взяли прежде достаточнаго количества насильныхъ роевъ, а натуральныхъ вышло очень мало, да и теперь, несмотря на наступившій хорошій взяткъ, пчела ваша не думаетъ роиться, — что при хорошемъ взяткѣ большею частію и бываетъ, — я совѣтую, вмѣсто общепринятаго, въ такихъ случаяхъ, перегона или убіенія пчелъ, для полученія отъ нихъ дохода, прибѣгнуть къ способу описанному мною выше, т. е. взять, въ началѣ яриннаго взятка, у сильныхъ нероившихся пчелъ, насильные рои, а изройковъ, по окончаніи взятка, обратить въ доходъ.

Въ срединѣ взятка главное занятіе въ пасикѣ составляетъ *перегонъ пчелъ*. У тѣхъ пчеловодовъ, которые, для полученія отъ своей пасики меду, слѣдуютъ общепринятой методѣ перегоновъ, занятіе это имѣетъ самый варварскій характеръ: пчелъ жестоко мучать, въ надеждѣ получить отъ нихъ большой доходъ, но въ дѣйствительности получаютъ весьма немного и, въ большей части случаевъ, губятъ почти всѣхъ перегоняемыхъ пчелъ. При употребленіи описаннаго мною выше двойнаго способа перегона пчелъ, употребляемые при этомъ пчеловодомъ труды и причиняемое пчеламъ безпокойство останутся тѣ же, но рациональныя основанія способа дадутъ совершенно иной характеръ этому занятію и будутъ всегда причиною выгодныхъ для хозяина и благополучныхъ для пчелъ результатовъ. Какъ во время роенія,

такъ и во время перегоновъ, къ пасичнику прибавляются необходимые рабочіе люди.

Въ концѣ взятка, кромѣ обыкновеннаго надзора за благополучіемъ пчелиныхъ семействъ и предохраненія пасики отъ нападенія пчелъ, почти не предстоитъ въ ней никакихъ особенныхъ занятій.

Время хорошаго роенія пріятно для пчеловода; онъ радуется каждодневному увеличенію своей пасики; но время хорошаго взятка еще пріятнѣе. Тутъ онъ видитъ удачу всѣхъ своихъ дѣйствій и осуществленіе всѣхъ своихъ надеждъ. Ульи его ежедневно болѣе и болѣе наполняются медомъ, онъ любитъ ими, а потомъ, когда набиваютъ бочки медомъ, получаетъ богатую награду за свои труды. Этотъ періодъ пчеловодства, самый пріятный во всякой пасикѣ, въ особенности восхитителенъ въ пасикѣ состоящей изъ линейныхъ ульевъ, гдѣ, раскрывши втулки, можете ежедневно видѣть возрастающую прибыль меда и восхищаться различными таинственными работами пчелъ.

Я. Костенецкій.